

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

Статья К. Д. Муратовой

Переписка Горького и Андреева воссоздает историю сложнейшей писательской дружбы¹.

Письма хранят отзвук горячих споров, возникавших при встречах. Судьбы русской литературы, позиция художника в общественной борьбе, отношение к человеку и завоеваниям его разума — об этих вопросах Горький и Андреев не могли говорить равнодушно. Речь о личных взаимоотношениях переплеталась с обсуждением художественной практики обоих, восторженные отзывы сочетались с резкими порицаниями. Каждый пытался, заглянув в творческую лабораторию друга, не только вывести положительный или отрицательный приговор данному произведению, но и выявить нечто типическое для всей литературной деятельности автора.

В период подготовки революции 1905 года оба писателя, несмотря на значительные различия в своем мировоззрении, были союзниками. У них был общий враг, и сражались они под общим литературным знаменем. Черты анархического своеволия и пессимизма уже заявили о себе в творчестве Андреева, но не приняли еще достаточно отчетливых очертаний. 1906—1907 гг. положили начало отчуждению. Андреев, угнетенный поражением революции, занимает враждебную для Горького позицию в оценке человека как существа, недостойного воспеания. Горькому был чужд пессимизм Андреева и его влечение к изображению ужаса смерти и «черных тайн» человеческой психики². Различие мировоззрений теперь резко определилось, сражаться под одним знаменем было уже невозможно. Оба писателя продолжали любить и ценить друг друга, но не могли уже идти рядом. В письме к Андрееву в марте 1906 г. Горький так определил создавшееся положение: «Если в лесу стоят два дерева выше других — как бы далеко они ни стояли друг от друга — все равно они будут кивать одно другому головами в бурю, они будут видеть друг друга и в тихую погоду. И днем, и ночью» (№ 139).

В последующие годы дружба писателей приобрела черты дружбы-вражды, насыщенной драматическими эпизодами. «Меня всегда раздражал пессимизм Андреева, его — то, что он считал моим оптимизмом, и то, что сам я называю историзмом», — писал Горький³. Субъективно Андреев все еще с Горьким, он сохраняет сознание общественного долга перед народом, но объективная сущность многих его новых произведений с несомненностью свидетельствовала о разрыве с горьковским лагерем литературы. Друзья оказались в различных литературных станах. Теперь уже и Андреев сознает это. «Мне всегда казалось, — пишет он Горькому 12 августа 1911 г., — что наша вражда или дружба не есть только наше личное дело» (№ 159).

Смысл этого признания блестяще вскрыт в горьковских воспоминаниях «Леонид Андреев». С необычайной рельефностью здесь воссоздан образ богато одаренного художника, который потерпел поражение, отказавшись от решения задач, выдвинутых перед прогрессивной литературой бурных революционным временем.

Раскрывая личные взаимоотношения Горького и Андреева, их переписка представляет вместе с тем и огромный историко-литературный интерес. В ней дается ключ к раскрытию сложных процессов в литературе начала XX века, с которыми были связаны судьбы ее крупнейших представителей.

В начале апреля 1898 г. Горький прочел в газете «Курьер» пасхальный рассказ Андреева «Баргамот и Гараська». От этого рассказа, по словам Горького, «повеяло крепким дуновением таланта».

Сам Горький вошел в «большую» литературу недавно. Его творчество привлекло пристальное внимание редакций толстых журналов лишь в 1897 г. Этому признанию предшествовала напряженная работа в поволжской прессе. Начинающий писатель печатал на страницах газет рассказы и очерки, фельетоны и публицистические статьи. Изнурительность газетной поденщины была еще хорошо памятна, приходилось писать почти ежедневно и по самым разнообразным поводам. Горький опубликовал уже десятки художественных произведений, но найти издателя первой книги молодого автора было нелегко. Два тома «Очерков и рассказов», которые принесли Горькому невиданный успех, вышли в свет только в канун заочного знакомства писателя с Леонидом Андреевым⁴.

Следует ли другому талантливому художнику идти тем же тяжким путем? На этот вопрос Горький мог дать только отрицательный ответ.

Вскоре при активном содействии Горького Андреев становится сотрудником двух демократических органов, пользующихся большой популярностью, — «Журнала для всех»⁵ и «Жизни». Горький организовал также издание первой книги Андреева (Рассказы. СПб., «Знание», 1901).

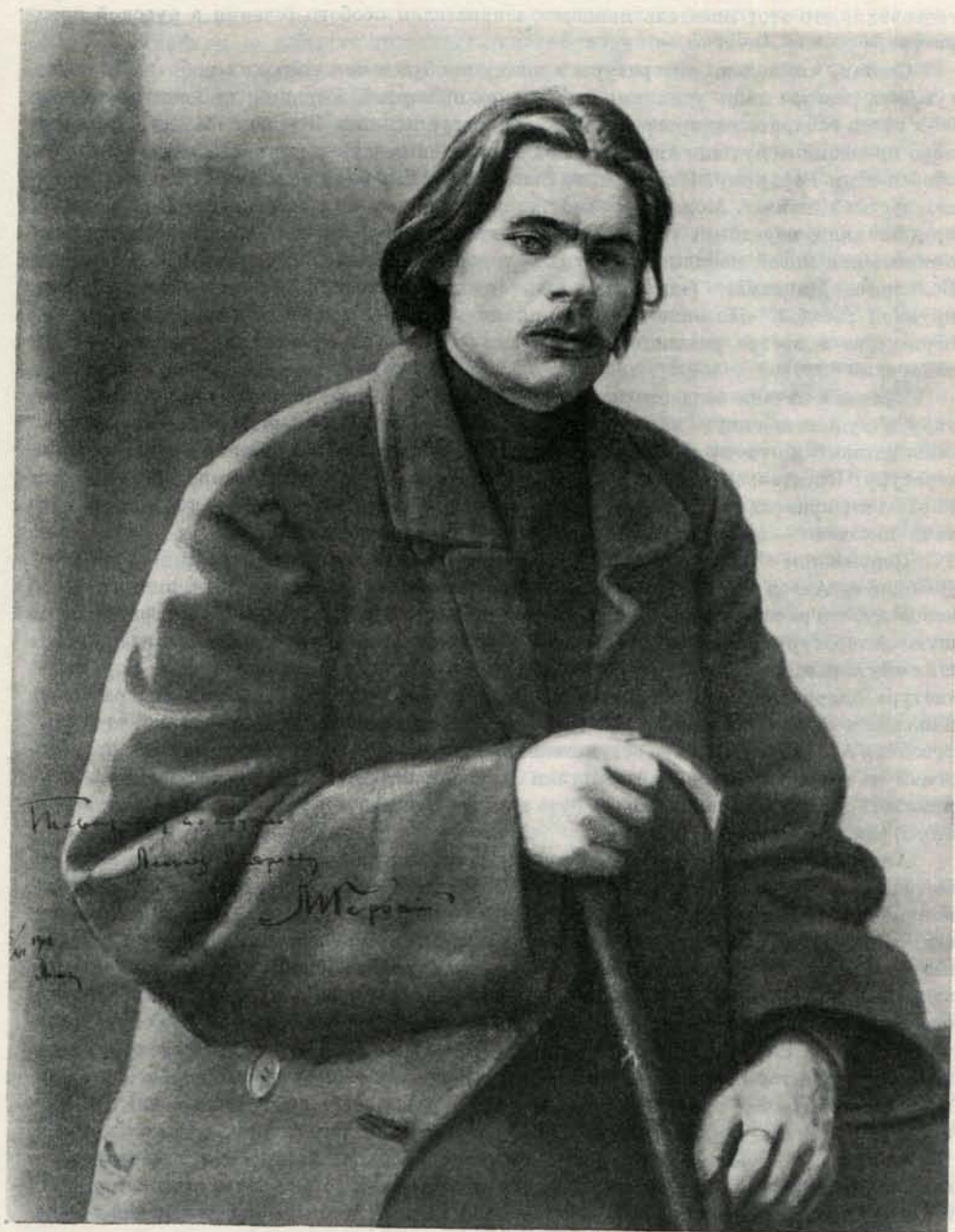
Талант, опекаемый Горьким, нашел быстрое признание. Незаурядная одаренность молодого автора была вскоре отмечена взыскательными мастерами слова — Толстым и Чеховым. О первом андреевском сборнике заговорили все крупнейшие критики. Высокая оценка, данная «Рассказам» Н. К. Михайловским⁶, утвердила имя начинающего литератора в ряду имен наиболее известных писателей.

Встреча двух талантов привела к большой и глубокой дружбе, длившейся почти целое десятилетие; ни Горький, ни Андреев до этой встречи не имели в литературной среде друзей-сверстников. Друзья не были похожи друг на друга; их споры походили на споры-поединки, позволяющие более широко раскрывать и утверждать свои общественно-литературные взгляды.

В годы становления дружбы оба писателя страстно спорили о задачах литературы, о том, какие стороны жизни — наиболее светлые или же темные — должна осветить она в первую очередь, на какого читателя должна ориентироваться. «...разговора с вами я жду с отчаянным нетерпением. И накипело и наболело. Все те же вопросы, которые вы затронули в „Читателе“. А сверх того — и еще кое-что от лукавого», — писал Андреев 18 декабря 1900 г. (№ 13).

Как известно, на поставленные вопросы Горький и Андреев дали различные ответы. Первый выступил как певец человека и его разума, как провозвестник революции, второй стал проповедником скепсиса и певцом обреченности человеческих надежд. Но эти расхождения определились не сразу.

Оба писателя встретились в пору расцвета своих дарований. Талант Горького поража contemporaries многообразием своего творческого проявления. Повесть «Фома Гордеев» дала принципиально-новое освещение темы капитализма, которая занимала значительное место в литературе конца 1880-х — начала 1890-х годов. Эту тему интенсивно разрабатывали П. Д. Боборыкин, Вас. Немирович-Данченко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Чехов, но Горький был первым талантливым создателем ярчайших образов капиталистов новой формации. «Песня о Буревестнике» с ее призывом «Пусть сильнее грянет буря!» была сразу же признана высоким образцом пламенной художественной прокламации. Слова этой «Песни» стали крылатыми. Пьесы «Мещане» и «На дне» открывали новую страницу в истории русской драматургии и театра. Писатель-революционер ставил перед собой задачу пробудить у читателя стремление быть творцом иной действительности. Начиналась ожесточенная борьба за читателя-гражданина, который не только скорбит о судьбах родины, но и претворяет свою гражданскую скорбь в активные действия. Новые темы и герои, новый подход к освещению жизни — все это ярко говорило о новаторской сущности горьковских произведений. Contemporaries

ГОРЬКИЙ

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1901—1902 годы, с дарственной надписью Андрееву: «Товарищу по оружию Леониду Андрееву. М. Горький. 5/XII 1902. Москва»

Музей Горького, Москва

сознавали, что этот писатель является зачинателем особого течения в русской литературе.

Считая, что задачи литературы в эпоху пробуждения широких рабочих масс могут быть решены лишь усилиями коллектива писателей, Горький становится с конца 90-х годов собирателем прогрессивных литературных сил. Журнал «Жизнь», справедливо признанный лучшим литературно-общественным журналом конца века, во многом обязан этим Горькому. Но особенно значительна была его роль как руководителя издательства «Знание». Молодые реалисты, объединившиеся вокруг этого издательства, представляли передовой отряд демократической литературы. Критика заговорила о появлении новой плеяды даровитых авторов, возглавляемой Горьким. В «Созвездии Большого Максима» (так называли этих писателей) Леонид Андреев был крупной звездой. «По силе воздействия на массового читателя оспаривать пальму первенства в лагере реалистов мог только Леонид Андреев», — свидетельствовал Луначарский ⁷.

Критика начала века отмечала порою творческое воздействие Горького на тематику и художественную манеру андреевских рассказов. Но подобных произведений было немного и относятся они главным образом к началу вступления Андреева в литературу. Писательская манера Горького в целом была чужда автору «Баргамота и Гараськи»; правильнее было говорить о другом — о воздействии Горького как нового типа писателя — литератора и революционера одновременно.

Первый том «Рассказов» Андреева вышел с посвящением «Алексею Максимовичу Пешкову». Автор хотел подчеркнуть, что посвящает свою книгу не литератору, а человеку, сыгравшему огромную роль в его жизни: он не только ввел Андреева в «большую» литературу, значительно сократив «испытание» литературного новичка, но и внушил ему серьезное отношение к своему таланту. В представлении Андреева Горький — «натура здоровая и дух могучий» ⁸. Суть этого утверждения ярко раскрывалась в письме к К. П. Пятницкому (12 мая 1902 г.). Андреев выражал пожелание, чтобы переводчик А. Шольц сказал во вступительной заметке к переводам андреевских произведений на немецкий язык о воздействии Горького на автора. Это воздействие воспринималось им как влияние «рыцаря духа на колеблющегося и нерешительного любителя этого самого духа».

Андреев понимал, что революционное звучание горьковского творчества не неизбежная дань времени, как у многих других авторов, а органическое выражение миропонимания писателя. Горьковский «Человек» вызвал знаменательный отклик Андреева, обратившего внимание на созвучие пафоса этого произведения обычному настроению своего друга. Лозунг «вперед! и — выше!», пронизавший эту поэму, пронизывал ведь и горьковские письма к Андрееву, которые предвещали появление поэмы. Это был основной лейтмотив всей творческой деятельности Горького. Андреев с его метаниями из стороны в сторону и в личной и в литературно-общественной жизни особенно ценил это качество Горького — писателя и человека. С ним он связывал и вторую привлекавшую его черту — органическое умение Горького «жить интересно». Об этом позднее вспомнит Горький, об этом скажет и сам Андреев в одном из своих писем.

Общение с Горьким содействовало усилению бодрого настроения у молодого писателя. После встреч с автором «Мещан» у него нередко вырывалось признание: «Как я люблю жизнь и людей!». Публицистические и критические выступления под псевдонимом Джемс Линч на страницах «Курьера» неопровержимо свидетельствовали о росте гражданского самосознания Андреева ⁹, о том же говорили и его художественные произведения. Не считая Горького своим литературным учителем, Андреев, однако, утверждал, что он и Горький — писатели одного корня, хотя и по-разному воспринимая отдельные события и пользуются различными художественными средствами для выражения своего мировосприятия. В первые годы их дружбы много общего с Андреевым находил и Горький.

В начале 900-х годов писателей сближали литературно-эстетические взгляды, любовь к человеку, общественная борьба. Характер этой борьбы не был, конечно, однороден. Горький принимал активнейшее участие в революционном движении и все более овладевал социалистическим мышлением. Для него были ясны цели освободительной

борьбы народа. Андреев был полон ненависти к современному укладу жизни, но его протесты не выходили за пределы интеллигентского бунтарства. Свобода, к которой он так страстно стремился, не обладала в его представлении достаточно четкими очертаниями. В то время как Горький, подобно трибуну, сзывал под знамена своих идей верных соратников, Андреев делал только первые шаги на пути осознания, во имя чего борется человек. Горький предпринял немало усилий, чтобы ускорить рост этого общественного сознания. В лице Андреева он находил главным образом союзника по борьбе с философскими и этическими устоями господствующих классов.

Творческое воображение Андреева рождало множество ярких замыслов, которые он не успевал претворять в жизнь. В январе 1902 г. он пишет: «Каждый почти что день выдумываю рассказы — и хороню их». Это же он повторит и в июне: «Недавно под считал: одиннадцать продуманных, начатых и неконченных рассказов!»¹⁰ Среди этих замыслов был и замысел «Саввы», реализованный лишь через несколько лет. В начале 900-х годов Горький увлеченно говорит об исключительной одаренности молодого писателя («талантлив, как сатана»¹¹) и быстром росте его оригинального таланта.

Призывая Андреева вложить «в дело писательства всего себя, всю свою личность» и без стеснения говорить о своих думах и чувствах, Горький вместе с тем хотел раздвинуть рамки жизненного опыта писателя и тем самым углубить эти думы и чувства. В 1901 г. Горький писал о творчестве Бунина: «...нет в нем приятного мне возмущения жизнью, нет сегодняшнего дня, чем по преимуществу я живу»¹². С целью повысить боевой дух литературы Горький стремился усилить внимание товарищей по перу к общественной тематике. Андреев принадлежал к числу тех, кто наиболее успешно мог сделать это. Горький горячо приветствовал появление рассказа «В темную даль»: «...если вы можете, — писал он Андрееву, — отправлять человека „в темную даль“, — стало быть можете провидеть в ней и свет, буде дадите труд себе всмотреться в нее повнимательнее» (№ 16).

В литературе тех лет не был еще ощутимо выявлен образ нового героя русской истории. Его присутствие, его скрытая сила ощущались уже многими чуткими художниками, но выражено это было лишь в беглых зарисовках, в изображении отдельных черт нового характера, нового отношения к жизни, в создании впечатления тревоги, неадекватности изображаемой жизни. Но читатели высоко ценили эти беглые штрихи, они помогали им уяснить новые жизненные явления.

В «Бабьем царстве» Чехова, опубликованном в 1894 г., вдумчивые читатели нашли не только изображение представителей буржуазного мира, но уловили также напоминание о мире придавленной силы, которая еще вдали, «как бы не является на сцену, но все время чувствуется»¹³. «Молох» Куприна показал, что эта придавленная сила начинает заявлять о себе. «Трое» Горького и «Конец Андрея Ивановича» Вересаева наметили уже путь будущих преобразователей жизни: Павел Грачев находит правду в учении социал-демократов, а рабочий Барсуков принимает участие в борьбе за осуществление этой правды.

Интерес к проявлению нового был присущ в той или иной мере большинству писателей, группировавшихся вокруг М. Горького. Это-то и привлекло к ним внимание: одни негодовали, другие выражали горячую признательность.

Высокая эмоциональная настроенность рассказов Андреева отразила общий подъем общественного протеста 900-х годов. Позднее критика обвиняла автора рассказа «В темную даль» в неопределенности его героя: Куда он уходит? Зачем? Для читателя-современника этой неопределенности не существовало, он понимал с полуслова. Ему было ясно, что юный герой, которого Горький назвал орленком, отказался от обещанного покоя буржуазной семьи ради борьбы за социальную перестройку жизни. Новое произведение отвечало горьковскому пожеланию создавать «беспокойные книги».

В письме по поводу рассказа «В темную даль» Горький развивал свое понимание насущных задач литературы. Необходимо, писал он, «с одной стороны, организовать здоровый, трудящийся народ — демократию; с другой (...) дезорганизовать усталых, сытых, хмурых буржуев. Бодрому человеку только намекни — он поймет и улыбнется и увеличит бодрость свою, больного скукой мещанина — ткни пальцем — и он начнет медленно разрушаться» (№ 16).

Выступления против мещанства как общественно-политической силы были одной из характернейших особенностей Горького — художника и публициста. Немалую толику внес в эту борьбу и Андреев. Антимещанские тенденции его творчества явны любому непредубежденному читателю. Многие рассказы, в которых уже нашли отражение основные черты художественного восприятия жизни Андреевым, были положительно встречены Горьким, призывавшим содействовать разрушению «философского и этического базиса, на коем основано благополучие мещанства» (№ 34).

При оценке ранних произведений Андреева исследователи нередко применяют критерии наших дней, не желая считаться ни с общим состоянием литературы, ни с общественной психологией читателя 900-х годов. Некоторые рассказы Андреева, которые сейчас кажутся лишенными социального звучания, в ту пору воспринимались как своеобразные иносказания, отражающие до известной степени общественные настроения. Так, рассказ «Набат», который современный читатель рассматривает только как дань декадентству и выражение «страха и безнадежности»¹⁴, был высоко оценен не только Горьким.

Критики почти единодушно отмечали, что рассказы Андреева вызывают чувство острого беспокойства и недовольства жизнью.

Рассказы «Иностранец» и «В темную даль» укрепили уверенность Горького в социальной значимости андреевского творчества. Чеховская «Невеста» говорила о радостном приобщении героини к большой, широкой и полной тайн жизни; более ранний андреевский рассказ ясно намекал на то, что скрывается за этими тайнами. Но Горькому, который вел борьбу за волевого человека-творца, подобные намеки казались уже недостаточными. Он ждал от Андреева большего. Ему хотелось, чтобы «в темной дали» воплощалась не только ненависть к сытой и уютной мещанской жизни, но и радость сопротивления, его героика. Призывая Андреева писать в духе этого рассказа, Горький утверждал, что современной молодежи «потребно жизнерадостное, героическое, с романтизмом (в меру)» (№ 34). Горький был уверен, что Андреев в конце концов и сам почувствует необходимость расширить границы своего познания жизни и усилить социальную окраску своего творчества. После появления «Набата» Горький писал Чирикову: «Вот, брат, талант! Большущий талант, — увидишь! Даже теперь, когда его начинка — одно голое настроение, он уже звучит колоколом, а как его прихватит огоньком общности — он покажет публике коку с соком!» (декабрь 1901 г.).

Протестующий тон прогрессивной литературы рос по мере усиления революционного подъема в стране. Он усиливался и в творчестве Андреева. Однако «огонек общности», засверкавший в его произведениях, не смог разгореться в яркое пламя.

2

Раннее творчество вскрыло сильные стороны дарования Андреева-реалиста. По поводу рассказа «Жили-были», за который Толстой поставил автору 5, Н. К. Михайловский писал: «У него (Андреева. — *Р. М.*) есть рассказы истинно превосходные, в которых ни прибавить, ни убавить, ни передвинуть ничего нельзя»¹⁵. Однако сам автор не раз пренебрежительно говорил об этом произведении¹⁶.

Горький выдвигал всё новые и новые темы и неустанно вскрывал еще не изведанные пласты жизненного материала. Все шире раскрывалась в его творениях социальная жизнь России.

Андреев не был столь щедр. Он рано начал ощущать ограниченность диапазона своего творчества, которая сказывалась в повторяемости тематических мотивов (так, Андреев сам отмечал свое пристрастие к изображению страха и ужаса смерти) и однородных героев (влечение к изображению сумасшедших или же людей, стоящих на грани безумия). Взыскательный автор нередко бросал работу над начатыми рассказами, так как в них, по его признанию, не было ничего нового.

Творческие замыслы писателя, а они были обширны, нередко вступали в столкновение с узостью его жизненного опыта и философских познаний. Андрееву явно не хватало жизненных наблюдений, но по складу своего характера он не тяготел к значи-

тельному пополнению их, хотя и восхищался широтой жизненных познаний Горького. Андреев считал, что интуиция художника, а она у него была необычайно остра, может избавить его от необходимости глубоко постигать типические обстоятельства, формирующие жизнь, мысли и чувства людей. Реалистическая манера письма все более не удовлетворяет писателя, он ищет новые формы, которые могли бы наиболее ярко раскрыть своеобразие его художественного мышления.

Это своеобразие проявилось уже в первой книге Андреева. Персонажи рассказа «Большой шлем», — направленного против обывательского существования, чуждого соприкосновения с большой жизнью страны, — по существу оказались лишенными конкретных индивидуальных черт. Лейтмотивом рассказа служила фраза «Так играли они лето и зиму, весну и осень». И это безликое «они» более характеризовало обывателей-игроков, похожих на тени людей, чем их собственные имена и немногие бытовые детали.

В первой же книге критики обнаружили, хотя и в незначительной еще дозе, «червоточину декадентства». Н. К. Михайловский писал по поводу рассказа «Ложь»: «Этот странный рассказ представляется мне маленьким темным облаком на светлом будущем Л. Андреева как художника. Вопрос в том, — разрастется ли это облачко в мрачную тучу, которая весь горизонт закроет, или, набежав на мгновение, рассеется в пространстве»¹⁷.

В дальнейшем Андреева все сильнее тянуло к произведениям, подобным «Стене», «Набату», «Лжи» и «Мысли», в которых столь остро проявилось тяготение к созданию символических образов и картин, а также к анализу «глубин» человеческой психики.

Горький стремился показать социальные характеры, рожденные новой действительностью, Андреев же, избегающий изображения конкретных примет времени, прибегал к усилению символического звучания своих рассказов и их эмоциональной окрашенности. Жизненный материал стал все чаще подчиняться умозрительным построениям самого автора.

Отзвук художественных исканий Андреева слышится в письме к Горькому от 17 декабря 1901 г.: «Скоро напишу „Бунт на корабле“ — зарождение, развитие, ужас и радость бунта. Без слов, ибо я не знаю языка бунтующих: одни зрительные да звуковые ощущения» (№ 35)¹⁸.

В первые годы вхождения в литературу Андреев несколько сомневался в художественной убедительности новой манеры письма, но успех «Жизни Василия Фивейского», как бы подводившей итог его раннему творчеству, окрылил писателя.

Первый «Сборник товарищества „Знание“», в котором были опубликованы этот рассказ и поэма Горького «Человек», вызвал горячие отклики. Человек Горького, воспевающий силу разума, призывал идти «вперед! — и выше!», отвергая живые ценности современной жизни. Скромный сельский священник утеравший веру в божий промысел, разумность и высшую оправданность человеческих страданий, также свидетельствовал о неприятии столь плохо организованного мира. Оба произведения определяли общую целенаправленность сборников. Вспоминая о литературе начала века, С. С. Юшкевич писал Горькому: «Когда появились вы и Андреев — позже, — то взяла не тема (новая), а дух, лицо самого писателя»¹⁹. Большинство критиков, несмотря на несогласие с идейной концепцией и художественными приемами Андреева, признало рассказ большой удачей писателя. Короленко писал в «Русском богатстве» (1904, № 8): «Самым выдающимся произведением обоих сборников бесспорно является рассказ Леонида Андреева „Жизнь Василия Фивейского“. В этом произведении обычная, уже обозначившаяся (например, в „Мысли“) манера этого писателя достигает наибольшего напряжения и силы, быть может, потому, что и мотив, взятый темой для данного рассказа, значительно общее и глубже предыдущих. Это вечный вопрос человеческого духа в его искании своей связи с бесконечностью вообще и с бесконечной справедливостью в частности»²⁰.

Андреев пристально следил за откликами критиков. Его внимание особенно привлекла статья М. Неведомского «О современном искусстве». Для молодых писателей конца 90-х — начала 900-х годов были показательны поиски не только новых тем и

героев, но и новых художественных средств. Среди этих искателей Неведомский сразу же выделил Леонида Андреева.

«Жизнь Василия Фивейского» обнаружила быстрый рост молодого литератора. Андреев молчал два года, а вырос за это время чуть не на десять лет: так возмужал, настолько углубился, окреп и сосредоточился его талант», — писал критик²¹. Для нового произведения были характерны уже не отдельные символические образы и картины, а целостная «символическая концепция». Подчеркнув тяготение Андреева к изображению человека вне его классовых и профессиональных свойств, Неведомский усомнился в реальном существовании мятежных попов, восставших, подобно Фивейскому, против законов земли и неба. Реалистические детали, вроде «гнилых, черных зубов» Фивейского, не придали этому образу большую жизненную убедительность; критик рассматривал их как дань еще непреодоленным реалистическим традициям раннего творчества. Но упрека писателя в чрезмерной гиперболизации и отсутствии чувства меры, — сколько бед было извально на плечи героя, — Неведомский вместе с тем высоко оценил произведение в целом. Исповеди крестьянина Мосягина и сцене отпевания в церкви была дана следующая оценка: «Подобной силы местá мы можем указать только у таких перворазрядных писателей наших, как Л. Толстой да Достоевский»²². Эта исповедь, по словам критика, многое разъясняла в психологии забитого мужика.

Андреев воспринял отзыв Неведомского как признание успешного раскрытия новых сторон жизни при помощи условного реализма. Он писал критику: «Вопрос о том, как мог я сказать „новое слово“ о мужике которого я знаю только по книге и по виду, является для меня почти неразрешимым, а в то же время и страшно важным; ведь это правда, что вы писали в прошлом году: я очень мало знаю жизнь, верите, почти совсем ее не знаю. Самих попов-то, к которым я так часто обращаюсь, я вижу только на свадьбе, на крестинах, да еще когда отбывал церковное покаяние за попытку самоубийства.

Моя отдаленность от жизни, постоянные крушения в попытках писать реалистически, неспособность придвинуться к жизни вплотную — всегда пугали меня. А то, что вы говорите о Фивейском — дает мне некоторую уверенность, что *так* можно писать, и открывает меня на новые ирреальные подвиги»²³.

«Жизнь Василия Фивейского» — над этим произведением автор долго и упорно работал — предопределила дальнейшую эволюцию его творчества.

Горький, увлеченный талантом Андреева, не сразу обратил внимание на отношение писателя к конкретному жизненному материалу. В эти годы он и сам все еще обращался к формам иносказания, аллегории. Но к началу 1904 г. стало ясно, что задачи обновления реализма каждый из них понимал по-своему.

В эпоху назревания революции Андреев, как и в начале своего литературного пути, не без основания продолжал считать себя бойцом горьковского отряда. Это утверждение не было пустой фразой. Читатели различных лагерей воспринимали их как союзников. Горький не мог не признать, что произведения Андреева — хорошая и своевременная «затрещина» мещанству в широком понимании слова. Было несомненно, что Андреев стремится укрепить общественный пафос своих произведений. Он отказался, например, напечатать рассказ «Тенор», — эта публикация осуществлена только в наши дни, — так как «побочная мысль» в нем «о необходимости цельной, многосторонней и живой жизни», включающей и общественную деятельность, была «развита слабо» (№ 64).

Характерен также отзыв писателя о первом «Сборнике товарищества „Знание“». Андреев недоволен его общим тоном: «Слишком черно, мрачно, торжественно и однотонно. Хоть бы улыбнулся кто. Скверное в этом смысле начало положил я. Это навело меня на мысль: не выпускать второго тома <своих произведений. — К. М.>, прежде чем не напишу двух истинно жизнерадостных рассказов. Я их напишу!»²⁴ Но это желание не осуществилось.

Интенсивная переписка с Горьким в 1904 г. позволяет воссоздать тревожные мысли Андреева; оценка современных событий переплетается у него с углубленными раздумьями о собственном творческом пути. К этому времени основные тенденции раз-

вития горьковского таланта уже ясно определились. «Мещане» показали, что Горький нашел центрального героя своего творчества; четко выявилось его отношение к человеку как творцу действительности. Андреев с напряженным вниманием следил за развитием Горького-писателя, но в художественном познании жизни его интересовало иное.

Горький выдвигал задачу выявлять в человеке прежде всего истинно человеческое и показывать искривление характеров под воздействием социальных «мерзостей жизни», Андреева же пленяло изображение темных и стихийных начал сознания и поведения человека. В этом плане весьма показательна оценка, данная Андреевым одному из героев повести «Трое» (№ 38). Он не считал убедительным образ Илья Лулева, так как автор не сделал его бунтарем-анархистом («свое отчаяние о жизни он должен был вылить в отчаянные формы»). Разъяснения Горького, что задача автора состояла в ином, что его Илья «не кается пред людьми, а говорит им от презрения», что он не может принять суда «ни от людей, которых сам осудил, ни от бога, которого потерял» (№ 40), не убедило Андреева. В его восприятии жил не Илья, погибший из-за того, что хотел не разрушить, а лишь несколько улучшить действительность, а совершенно другой художественный образ. Не менее характерен и отзыв о пьесе «Мещане». Не Нил, а Тетерев пленил Андреева, для него он «орудие крупного калибра».

Различное отношение к человеку как объекту своего творчества вскоре вызвало творческую дискуссию; она не прекращалась до конца литературной работы Андреева. Поводом к ее возникновению послужил рассказ «Из глубины веков». Андреев хотел показать в нем гордого и умного вавилонского царя, который пришел к мысли о ничтожестве человека перед лицом Вселенной и всемогущей Смерти. Из презрения к неудовлетворяющей его действительности андреевский герой стремился сокрушить себя как личность и превратиться в подобие скота.

Горький не отрицал тонкости Андреева-психолога. Нигилизм отчаяния индивидуалиста, родственный нигилизму андреевского героя, позднее был воспроизведен в самом Горьким в рассказе «Чужие люди». Но Горький не мог согласиться с трактовкой образа ниспровергателя. Он не нашел убедительно обоснованной причину тоски Навуходоносора. «Царь скучает, — писал Горький, — не оттого, что ищет равенства с богами и — теряет веру в их бытие, — это, если хочешь, хорошо, — но оттого, что на земле всюду рабы и он среди них одинок на земле» (№ 102). В связи с этим Горький предлагал Андрееву обратить больше внимания не на своего сверхчеловека, а на окружающих его рабов и тем самым придать рассказу более актуальное звучание — вызвать «отвращение к рабству». Но раскрытие социальной подосновы чувствований героев менее всего привлекало внимание Андреева-художника. Спор, возбужденный новым произведением, показал, как различно понимали друзья свободу человеческого духа.

Произведения, написанные и опубликованные в 1904 г., наиболее резко выявляют своеобразие художественного мышления Андреева, противостоящего художественному мышлению Горького. Впервые столь отчетливо обнаружилось тяготение к тому «космическому пессимизму», который Горький относил к числу «даров», принесенных Андреевым русской литературе. Пессимизм этот включал веру в роковую предопределенность законов жизни и человеческих судеб и скорбь о бесплодности человеческих попыток противостоять им. Увлечение Шопенгауэром (писатель перечитывал его книги в это время) усилило мрачное восприятие жизни. Оно не уничтожало стремления Андреева к протесту против моральных и общественных догм, сковывавших людей, но искажало его. «Космический пессимизм» мешал писателю понять процесс развития современной жизни и в то же время как бы служил оправданием его отдаленности от активных, революционных форм борьбы. Бунтарство принимало все более отвлеченный и разрушительный характер. Понижение внимания к «социальному пессимизму» (Горький связывал с этим понятием повышенный интерес к реальному социальному злу и борьбу с ним), проявившееся и в «Жизни Василия Фивейского» и в рассказе о царе Вавилона, встретило теперь протест со стороны Горького. Развернутая оценка нового произведения еще раз показала, как высоко ставил он мужественное сопротивление человека темным силам и его неистребимое стремление к творческой деятельности.

14 Апреля.

Вчера съездом съображен

Объездом съезда. Цена билет

—

Как подорож. Казань Т. И. А.

23 Апрель.

20. нов.

Акты:

Въ Мартъ 16го января в "Курсе"
под руску "Молодой" Принятъ Гов-
номъ наводномъ.

31 Мартъ в Лонгинуа в суд. Дни
срочи московскому "Вокресену":
Уездъ исландианъ и родки, Бедно-
меемъ исланду. Командированъ и
собрать. Уездъ в адв. Кануру, Гов

ЗАПИСЬ АНДРЕЕВА В ДНЕВНИКЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 1899 г. О ПОЛУЧЕННОМ ПРИГЛАШЕНИИ
ГОРЬКОГО УЧАСТВОВАТЬ В «НИЖЕГОРОДСКОМ ЛИСТКЕ»

Автограф

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

ваше признание". Своими силами не
судь скучать на работу.

В начале апреля передано
приглашение от "Горького" издательства
в Н. Новгород. [Искренне, Н. Сильберштейн]
издатель передал мне письмо
адресованное к Алексею, сотрудничав-
шему "Курсера", которое содержало:

• Николай Камаровский. В издатель-
стве "Горького" в Вильно - будущее дело
включено в состав моих адресов
Леонид Андреев (моя подписавшая)
адресующая у вас такие слова
русского. Пожалуйста! Ему, Андрееву
Р. коллегам будет очень полезно.
С уважением
А. Камаровский (Горький)!

ЗАПИСЬ АНДРЕЕВА В ДНЕВНИКЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 1899 г. О ПОЛУЧЕННОМ ПРИГЛАШЕНИИ
ГОРЬКОГО УЧАСТВОВАТЬ В «НИЖЕГОРОДСКОМ ЛИСТКЕ»

Автограф

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

А отсюда Ворскому сам. В среду
на сессии Генерального Комитета
присутств. Фромин, Лоскоз, Мухомовы,
Дят. Б. Б. Мухомов, С. Б. Мухомов-М. Ворский?

Но Ворскому у нас в руках — одна книга
от него. 90 страниц.

16 апреля (суббота) в Петербург.
Мухомовы и Лоскоз. Намзник:

17 апреля Мухомов в Петербург нас-
таивать Лоскоз. В Петербург.

После Кривой. После и т. д. Лос-
коз и Мухомов в Петербург.

Затем приехали в Москву. Седьмой
день у нас (суббота) в Петербург
Отстав: Лоскоз, Таманский, Петру-
ха (в Петербург, Фромин) и т. д. и т. д.
и т. д.

Наконец: Мухомов и Мухомов

ЗАПИСЬ АНДРЕЕВА В ДНЕВНИКЕ ОТ 23 АПРЕЛЯ 1899 Г. О ПОЛУЧЕННОМ ПРИГЛАШЕНИИ
ГОРЬКОГО УЧАСТВОВАТЬ В «НИЖЕГОРОДСКОМ ЛИСТКЕ»

Автограф

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Творческое начало, а не разрушительные тенденции — вот что должно было, по убеждению Горького, прежде всего привлекать внимание художников. Отсюда и совет Андрееву не забывать о том, что человек, отлично сознающий и свою неизбежную смерть и далекую, но возможную гибель земли, все же продолжает упорно работать и творить во имя своего человеческого достоинства: «Да, я погибну, я погибну бесследно, но прежде я построю храмы и создам великие творения. Да, я знаю, и они погибнут бесследно, но я создам их все-таки и да — я так и хочу!» (№ 105).

Горький как-то шуточно уговаривал друга быть злым, но не быть пессимистом. В апреле 1904 г. Андреев писал, что его «злость к миру» становится все более беспокойной и ядовитой. Однако эта «злость» не воплотилась в ту форму социального протеста, которую ожидал Горький. Весьма характерен его отзыв об авторе «Из глубины веков» в связи с чтением рукописи Е. Соловьева (Андреевича) «Опыт философии русской литературы» (здесь давалась оценка творчества обоих писателей). Отметив, что Андреев наиболее интересен своим родством «с идеей освобождения человека от гнета разной кабалы», Горький спрашивал критика: «Не кажется ли вам, что передовые борцы демократии, вступающей в бой с буржуазной философией, моралью, — со всем духовным хозяйством буржуазии, — порою, заскакивая вперед, попадают в плен мещанского страха жизни, тоже одного из предметов духовного хозяйства мещан?»²⁵

Признавая тему нового произведения неслучайной и важной для Андреева, Горький не раз предлагал опубликовать «Из глубины веков», но Андреев уклонился от этого. Рассказ признан был им неудавшимся, однако спор в целом не разубедил писателя. «Космический пессимизм» с его «страхом жизни» и всеотрицанием не исчез из андреевского творчества, а лишь несколько отступил в сторону. В дальнейшем этот «космический пессимизм» все далее уводил писателя от актуальных социальных тем. Они все более начинают вытесняться постановкой абстрактно-философских проблем, реализм уступает место символическому. По позднейшему признанию Горького, чрезмерное андреевское увлечение ею отдалило их друг от друга²⁶.

Русско-японская война произвела огромное впечатление на Андреева. Размышления писателя о возможных общественных последствиях войны и задачах литературы в связи с этим нашли отчетливое выражение в письме к Пятницкому. «Одно верно, — писал Андреев, — мне, Скитальцу, Вересаеву и многим другим придется делать свою литературную „карьеру“ почти сызнова — глубоко уйдет в прошлое то, что было до войны. И читатель будет новый, и требования у него будут новые, и песни ему нужно петь новые, и благо тому, у кого есть слух и голос. Очень для многих из нас еще во цвете лет сущих — начинается уже *история* <...>. И тем, кто от жизни — будет сладко, а тем, кто от смерти и разрушения, как я — придется солоно»²⁷.

«Красный смех» был откликом на военные события, которые потрясли писателя. Называя свою работу над этим рассказом «„дерзостной попыткой“, сидя в Грузии, дать психологию настоящей войны»²⁸, автор не пытался воссоздать реалистические картины; задача состояла в изображении смятенной человеческой психики, пораженной и убитой войной. 4 ноября 1904 г. Андреев сообщил Пятницкому: «Состряпал в семь вечеров рассказ „Война“ для чеховского сборника. Тяжелый был для работы рассказ, бьющий по нервам»²⁹. И ему же 12 ноября о чтении рассказа на заседании «Среды»: «Публика одобрила и в один голос заявила, что нужно напечатать как можно скорее. В то же время нашла рассказ мало цензурным. Вот это плохо! Есть только одна важная зацепка: полное отсутствие в рассказе политического и частью обличительного. Если цензура заупрямится или потребует важных урезок, я выпущу рассказ „бесцензурно“. Наплевать мне на этих чертей»³⁰.

Вересаев говорит в своих воспоминаниях, что «Красный смех» был воспринят участниками войны как нечто неправдоподобное, искажающее действительные факты и действительное восприятие их на войне³¹. Но в тылу успех этого произведения был огромен. В нем не искали точного правдоподобия, оно поражало страстностью своего протеста против преступной бойни, своим возмущением против возможности подобного истребления людей. Эта страстность невольно заражала читателя, заставляя присоединяться к авторскому гневу.

Узнав, что Вересаев стал военным врачом, Андреев написал ему в июне 1904 г.: «И вы приедете, я это знаю, и вы напишете что-нибудь большое о русских людях на войне»³². О том же он писал М. П. Неведомскому³³. Эта надежда оправдалась. В 1906—1908 гг. в печати появились записки «На войне» и цикл «Рассказов на войне». Вересаев показывал произвол, господствующий в царской армии, мужество и героизм русских солдат, нарастание недовольства среди солдат и офицеров. В этих произведениях звучала глубокая вера в силы народа, который начал понимать, что его истинный враг находится не вне, а внутри России. Читатели высоко оценили эти произведения, но данная оценка не перечеркнула значения «Красного смеха». Книги Вересаева приводили к большим социальным обобщениям, рассказ Андреева был рассчитан на эмоциональное воздействие, — и этого автору удалось достигнуть.

Гневный гуманистический протест Андреева бесспорно говорил о высоком гражданском понимании задач литературы. «Красный смех» был *первым* художественным произведением, противостоящим волне ура-патриотических выступлений буржуазных корреспондентов и писателей. Сборник «Знание», в котором рассказ был опубликован, разошелся в огромном для тех лет тираже — 60 000 экземпляров.

В то же время «Красный смех» с огромной силой выявил одну из наиболее характерных особенностей Андреева, его стремление воссоздавать не типические характеры или типические обстоятельства, а обобщенные образы, символизирующие определенную мысль или идею. В рассказе отсутствовало обличение конкретной, русско-японской войны, «Красный смех» олицетворял ужас и безумие войны как таковой. Вопросы о том, «кто виновник ее?» и каковы могут быть последствия этой войны, в рассказе не затрагивались.

Некоторые исследователи, говоря о взаимоотношениях Горького и «знаньевцев», до сих пор изображают Горького как поучающего молодежь наставника, которому заранее известны все тайны искусства слова и на каждый случай припасен совет, обязательный для ученика. Тема дружеских споров, схождения и расхождений, то есть то, что дает возможность постигать развитие литературы во всей ее сложности, при такой постановке вопроса бесследно исчезает. Так, например, останавливаясь на отношении Горького к «Красному смеху», Н. В. Гамалий в статье «Редакторская деятельность А. М. Горького в издательстве „Знание“ (1900—1906 годы)» пишет: «Горький хотел, чтобы Андреев с предельной ясностью обнаружил социальные причины войны и перевел „Красный смех“ из патологического в реалистический план»³⁴. Однако Горький как редактор не считал возможным навязывать писателю несвойственные ему творческие решения.

Вопрос об отношении к человеку и его деянию был поставлен Горьким перед всеми «знаньевцами». Спор, вызванный рассказом «Из глубины веков», показал, что расхождения с Андреевым в этом плане были наиболее острыми. Новое произведение послужило поводом к не менее горячему спору о ценности и методах использования жизненного материала. Горький не согласился с произвольным подчинением реальных фактов авторскому замыслу. Признавая «Красный смех» произведением своевременным и производящим сильное впечатление, Горький вместе с тем убеждал Андреева уделить больше внимания действительным фактам, говоря: они «страшнее и значительнее твоего отношения к ним» (№ 126). Подобное отношение к материалу не было единичным явлением в творчестве Андреева. В рецензии на «Жизнь Василия Фивейского» Короленко отметил, что «для своей мистической, сухой и мрачной, формулы автор приносит значительные жертвы реальной правдой изображения»³⁵. Андреев не согласился с замечаниями Горького³⁶. Фактическая реальность безусловно разрушила бы авторский замысел, переводя рассказ в план протеста против конкретной войны. Она неизбежно ослабила бы символику рассказа, снизив центральный символический образ «Красного смеха», которому автор придавал большое значение. «Оздоровить — значит уничтожить рассказ, его основную идею», — писал Андреев (№ 127).

Вновь обнаружилось принципиальное различие писателей в отборе и изображении жизненного материала. Горького интересовала социальная действительность и реакция героев на нее, Андреева же привлекала внутренняя жизнь человека вне ее связи с конкретными социальными условиями. Горький напоминал об объективной

значимости фактов, которые должен был учитывать писатель-реалист, Андреев же выступал в защиту субъективного отношения художника к фактам, то есть в защиту своевольного проявления авторского «я». В дальнейшем это также станет одной из отличительных черт андреевского творчества.

Андреев отдавал себе отчет в изменении своего отношения к жизни, обусловившем отказ от ранней реалистической манеры письма. То, что вначале казалось маленьким облачком, стало действительно сгущаться в тучу. Посылая рукопись «Красного смеха» Толстому, Андреев сам попытался связать свой отход от реализма с ломкой своих воззрений: «Так, в новом освещении встают передо мной вопросы: о силе, о разуме, о способах нового строительства жизни. Пока это чувствуется еще неясно, но уж есть основание думать, что со старого пути я сворачиваю куда-то в сторону»³⁷.

Это сворачивание «в сторону» вызвало усиление идейно-творческих разногласий друзей.

3

Горький был первым писателем, который столь обнаженно показал классовые противоречия своего времени. Уже в начале XX в. он воспринимался как художественный выразитель идеологии пролетариата не только в России, но и за рубежом³⁸.

Писатель-революционер быстро понял, что стал главенствующим героем исторического процесса, и провозгласил, что «Россия будет самой яркой демократией земли». В дни революции и в дни поражения ее Горького не покидало чувство уверенности в том, что русский народ не остановится на полпути. «Мать» появилась в России, когда многие считали революцию проигранной, истекающей кровью, когда многим казалось, что народ не скоро возобновит свою попытку добиться свободы. Горький-художник сказал: это неправда. Ряды революционеров поредели, но их ненависть и любовь не могли оказаться бесплодными. Голос Ниловы, ставшей пропагандисткой революционных идей, звучал громко и уверенно.

Творчество Горького было художественной летописью новой эпохи. «Мать», «Враги», «Лето», а затем солнечные «Сказки об Италии» говорили о неиссякаемых источниках веры народа в победу социальной справедливости и его готовности активно сражаться за нее. Борьба буржуазной критики, в том числе и символистской, с М. Горьким в годы реакции шла под знаком ожесточенной борьбы с идеями социализма.

То, что Горький вступил в новый период своего развития, было ясно для многих. Критик «Русского богатства» писал, что первоначальная песня, «Песня о Буревестнике», уже сета, начинается новый Горький, который «будет неизбежно иной»³⁹.

Отрицать большой талант Горького было абсурдно, его творчество стало уже неотъемлемым достоянием мировой литературы. На защиту Горького, заключенного в 1905 г. в Петропавловскую крепость, поднялись передовые люди Германии, Франции, Англии, Италии. Но можно было предпринять попытку опорочить этот талант, исказить его сущность. Это и делали в первую очередь критики символистского лагеря. Они заявляли о своем приятии раннего творчества Горького, изображаемого бунтарем-анархистом, но, признавая некоторую ценность раннего горьковского вызова обществу, тотчас же подвергали озлобленным нападкам последующие произведения писателя.

Враждебная демократии критика быстро уловила основное в новой направленности горьковского творчества и решила сокрушить это новое, доказать его несостоятельность с эстетической точки зрения. Если ранее, в борьбе со «знаньевцами», противопоставляемыми символистам, эта критика говорила главным образом об изжитости, «устарелости» реалистического метода литературы, то теперь ею был избран новый объект нападения — общественная позиция художника.

Вспоминая о «походе» буржуазной критики против автора «Врагов», обычно называют нашу шумевшую в те годы статью Д. В. Философова «Конец Горького»⁴⁰. Эта статья имела знаменательную предысторию. Напомним о ней.

Большевистская газета «Новая жизнь» была широко известна в литературных кругах. Эту известность ей принесли «Заметки о мещанстве» Горького, вызвавшие

гнев многих литераторов, и статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», в которой затрагивался вопрос о развитии современной литературы. Статья призывала к отказу от распространяемого представления о свободе творчества в буржуазном обществе и к преодолению буржуазно-анархического индивидуализма, свойственного многим деятелям искусства. Революция ускоряла возможность противопоставить «лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией» литературе литературу «действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом».

Предвидя обвинение в стремлении регламентировать литературу, Ленин пояснял ошибочность восприятия принципа партийности как сужения творческих возможностей писателя. В литературном деле, — писал он, — «безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию». Принцип партийности социалистической литературы заключался в ее идеологической направленности, в новом восприятии и освещении жизненных явлений. В статье говорилось: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды». Эта литература создавалась для миллионов и десятков миллионов трудящихся, «которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»⁴¹.

Статья Ленина получила большой резонанс. Публицисты-кадеты и близкие к ним писатели-символисты выступили с резкой критикой ее⁴². Их встревожила и статья Ленина и литературные события, подтверждающие правоту ленинских утверждений.

Героизм восставших масс увлек немало писателей, далеких ранее от политики. Революция пробудила у них интерес к общественной тематике и расширила круг наблюдений. Это тотчас же сказалось на гражданском пафосе произведений 1905—1906 гг.

Литература была лишена единства, но она как бы сдвинулась с места и стала искать новые возможности изображения по-новому воспринимаемой действительности. Многие авторы начинают теперь пересматривать свои идейные и эстетические взгляды. Отношение к первой русской революции предопределяет дальнейшее развитие творчества писателей. Одни остались верны демократии (Серафимович, Вересаев), другие быстро изжили стихийную революционность и отrekliсь от своих «революционных» порывов (Бальмонт, Минский), было немало переметнувшихся, подобно Арцыбашеву, в лагерь реакции.

Приобщение писателей к революционным событиям, как бы кратковременно оно ни было для большинства из них, сильно встревожило апологетов буржуазной культуры. Они выступают с резкими выпадами против писателей, затронувших в той или иной мере революционную тематику (вспомним их нападки на Бальмонта и «знаниевцев»), и выдвигают настоятельное требование от увлечения политикой, от освещения острых тем современности. З. Гиппиус и Д. Философов — наиболее яркие и «крайние» выразители этой точки зрения. Гиппиус заявляла, что революция не нуждается в певцах и что обращение к революционным темам губит таланты художников, необходимо освещать уже устоявшееся, общечеловеческое. Буржуазные критики и писатели, как реалисты, так и символисты, были едины в стремлении доказать непродуктивность приобщения художника к революционным идеям. Они добивались признания антиэстетичности произведений, воспроизводящих революционные события или пробуждение сознания людей.

В процессе значительно обострившейся литературно-общественной борьбы каждая из писательских и критических группировок вынуждена была дать в прямой или косвенной форме ответ на вопрос о своем отношении к революции. Весьма показательны в этом плане отклики писателей на призыв К. Чуковского выступить на страницах газеты «Свобода и жизнь» с высказываниями на тему «Литература и революция».

Вместо письма в редакцию Куприн прислал художественную зарисовку, как бы предварявшую ответ прогрессивных писателей на злобные нападки критики последующих лет⁴³.

Миниатюра Куприна не оставляла сомнения в том, что он приветствует деятелей искусства, вставших на сторону революции. Близок к этому и отклик Чирикова. Но

другие авторы столь же неприкрыто осудили вмешательство литераторов в социальную борьбу. Ю. Балтрушайтис писал: «Революция — дело человеческое, творчество — дело божье. Стало быть: кесарево — кесарю, а божие — богу» ⁴⁴. Ан. Каменский утверждал в свою очередь, что художник должен быть выше революции ⁴⁵.

Ряд ответов показывал, что статья Ленина, говорившая не только о публицистах, но и о литераторах, которым предстояло создать партийные произведения, то есть произведения, отражающие идеологию пролетариата, была широко известна в литературных кругах. Так, плодовитый беллетрист В. Светлов, отчетливо выразивший отрицательное отношение к революционной литературе, писал, что для партийной борьбы должен существовать парламент, а «на парнасе искусства должна культивироваться красота и бесполезность, на языке политиков и „товарищей“ <...> Каждому свое» ⁴⁶.

Вопрос — может ли в настоящих условиях возникнуть литература, отражающая взгляд пролетариата на мир, или же в роли ее создателей должны выступить сами рабочие — привлекал и волновал многих писателей демократического лагеря. Один из горячих споров по этому поводу возник в ноябре 1906 г. на редакционном заседании большевистского журнала «Вестник жизни» между Н. Г. Гаривым-Михайловским ⁴⁷ и А. В. Луначарским, выступившим с разъяснением своего понимания задач социал-демократического художественного творчества ⁴⁸. Это была развернутая трактовка того, что следует подразумевать под партийностью литературы. Луначарский отстаивал возможность создания пролетарской литературы писателями-интеллигентами, овладевшими социал-демократическим мирозерцанием и мироощущением.

Опираясь на опыт Горького («Враги»), который взялся «за чисто социалистическую тему и чисто социалистически» ее обработал, критик попытался выявить отличительные черты пролетарской литературы и тем самым определить характер нового творческого метода.

Партийность писателя, по словам Луначарского, должна была проявиться, с одной стороны, в показе роста классового сознания пролетариата («боевой стороны пролетарской жизни»), а с другой, в соединении бичующего реализма с изображением светлых сторон жизни, напоминающих о неизбежной победе нового мира. «Дух творчества, надежды — вот что вдохнет новую жизнь в реализм, когда реализм этот станет пролетарским», — писал Луначарский ⁴⁹.

Творчество Горького не оставляло сомнений в своевременности задач, выдвинутых перед литературой Лениным. То, что Горький выступил в роли зачинателя какой-то особой литературы, по-новому трактующей взаимоотношения героев и общества, было сразу же замечено и друзьями и врагами демократического искусства. Марксистская критика получила возможность еще раз сказать о Горьком как художественном выразителе пролетарской идеологии. В то же время буржуазная критика различных оттенков стала настойчиво связывать свои нападки на Горького с идейной направленностью его произведений и с его партийной работой ⁵⁰.

Упомянутая выше статья Философова содержала призыв ниспровергнуть Горького и его единомышленников. Он был подхвачен. Началась яростная атака на литературу, отражающую новые положительные явления действительности. О такого рода выступлениях газета «Путь правды» писала в 1914 г. (№ 5): «...русские декаденты склонны рассматривать реализм в связи с марксизмом. Вот почему они страстно, порою даже злобно критикуют реалистов, ибо в них они видят отголосок нового движения» ⁵¹.

В своих выступлениях буржуазная критика пыталась доказать, что социалистические идеи, глашатаем которых стал Горький, погубили его дарование. «И чем больше рос в нем гражданство, тем более умалялся художник, вся сила которого была в протесте против всякой гражданственности», — писал Философов, вспоминая о раннем Горьком ⁵². Ему вторила З. Гиппиус: «Даже не революция, а русская социал-демократическая партия сжевала Горького без остатка. Я еще помню времена Великого Максима, „владельца дум“, и бесчисленных „подмаксимков“ <...> Был же в нем писатель» ⁵³.

Итак, на вопрос о партийности литературы Горький ответил своим творчеством, оно положило начало искусству социалистического реализма.

А каков был ответ Андреева?

По свидетельству Горького и других лиц, хорошо знавших Андреева, последний обладал мужеством, позволяющим искать правду и смотреть ей в глаза. В суждениях о себе как человеке и писателе Андреев нередко бывал суров и требователен. На вопрос «с кем он?» следовал неизменный ответ — с демократией. Но в послереволюционный период такой ответ уже не удовлетворял. В лагере демократии произошло сильное расслоение. Необходимо было более четко ответить, на чьей стороне симпатии писателя, каково его отношение к демократии социалистической. Но, страшась умаления личной свободы литератора, писатель-индивидуалист стал активно выступать в защиту права художника выражать в своем творчестве любые, порою весьма противоречивые взгляды. Сам Андреев то поет хвалу человеку-борцу, то выражает полное неверие в его победу.

В годы бурного нарастания революционного пробуждения масс Горький приветствовал бунтарский дух творчества Андреева, произведения его буйно отражали настроение зреющего общественного протеста.

Но после поражения революции 1905 г. читатели уже не могло удовлетворить подобное стихийное бунтарство. Необходимо было выяснить, во имя чего совершается бунт, к чему призывает писатель, под чьим знаменем он сражается. Вот этой-то определенности и не было в творчестве Андреева. Оно говорило о неприятии буржуазного мира, но в нем нельзя было найти положительных идеалов автора. В отличие от Горького, открыто ставшего на защиту пролетариата, Андреев пытался сохранить мнимую идеологическую независимость своих выступлений. Он писал Г. Чулкову в 1906 г.: «...я не принимаю жизни, какая она есть, и никогда не приму — но я не хочу выкидывать никакого знамени бунта. Пусть бунт будет позади меня, а не впереди на палке»⁵⁴. Но бунт писателя, лишенный ясной цели, превращался в бесплодное анархическое бунтарство. Творчество Андреева начало все более утрачивать живую связь с современностью.

4

Андреев был увлечен кипучей деятельностью Горького — литератора и общественно-го деятеля; таким и должен быть, по его представлению, писатель нового времени. Андрееву нравилось идти рядом со своим дерзновенным другом. В то же время он понимал, как далеки они по складу своего характера и мировоззрению. Андреев сопоставлял себя с Горьким, и эти сопоставления придавали тревожный характер возникшей дружбе.

Андреев боится потерять друга, ибо не видит в литературной среде никого, кто бы мог хотя отчасти заменить ему автора «Песни о Буревестнике». В 1905 г. Куприн писал, что все «смелое и буйное» в повести «Поединок» связано с Горьким⁵⁵. С Горьким связывал усиление своих оппозиционных настроений и Андреев. Утрата друга страшила его крушением того мирозерцания, к которому он начал приходить (24—25 сентября 1903 г., № 82). В воспоминаниях об Андрееве Горький упомянул о нетерпимости писателя к критике. Однако переписка и творчество Андреева убедительно говорят о том, как дорожил он отзывами Горького: «...пока ты не высказался, у меня остается недоверие к вещи», — скажет Андреев в ноябрьском письме 1904 г. (№ 122), а спустя два года он отметит в письме к Серафимовичу, что только Горький по-настоящему понял «Савву». Под воздействием горьковских замечаний Андреев переработал ряд своих произведений или же отказался от их публикации.

Андреев высоко ценил Горького — писателя и человека. Но его беспрестанно беспокоила мысль: представляет ли он сам для Горького большой интерес как личность? Не увлечен ли друг только его талантом?

Как рано, еще в 1902 г., когда для тревог, казалось бы, не было еще никаких оснований, прозвучал трагический для Андреева вопрос: «Друг ли ты мне?» Прозвучал, чтобы уже не исчезнуть. Дружба с Горьким порождала у Андреева бодрость и повышенный интерес к общественной жизни, он боялся утратить это. Споры 1904—1905 гг. резко подчеркнули идейно-творческую несхожесть писателей. Стремление к трактовке социальных проблем не исчезало у Андреева до конца его жизни (это была одна из

характернейших черт его творчества), но освещение этих проблем было далеко от передового мировоззрения эпохи. Это не могло не наложить отпечатка на личные отношения. В январе 1906 г. Андреев написал Горькому, что их недавние встречи носили странный характер.

Непосредственный повод, вызвавший холодность этих встреч, неизвестен. Не дошло до нас и письмо Андреева к Горькому, в котором он пытался пояснить

АНДРЕЕВ

Фотография В. Чеховского, Москва, 1902—1904 годы. С дарственной надписью Горькому: «Энергичному собственнику самой смелой, самой красивой души, какую я знал — Алексею Максимовичу Пешкову верный друг Леонид Андреев»

Музей Горького, Москва

происшедшее. Однако андреевские письма к другим лицам и мемуары современников позволяют вскрыть причины этого отдаления.

Напомним кратко об отношении Андреева к событиям 1905 г. Еще в конце 1904 г. он писал Пятницкому: «...для российского государственного корабля начинается жестокая качка, боковая и килевая»⁵⁶.

9 января 1905 г. и арест Горького заставили Андреева еще более напряженно следить за развитием событий. Он ждет революционного взрыва и верит в него. 1 февраля Андреев пишет Пятницкому: «...нынешняя весна много даст красных цветов.

Люди уже потеряли власть над событиями, начали действовать стихии, и что даст революция, умноженная на войну, на холеру, на голод, — невозможно решить. А в итоге будет хорошо — это несомненно»⁵⁷.

Оптимизм Андреева поддерживался общением с членами социал-демократической партии. Это нашло отражение в письме к Вересаеву от 6 февраля: «В России будет республика — это голос многих, отдающих себе отчет в положении дел <...> Вы поверите: ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции, революции, революции»⁵⁸.

9 февраля Андреев, предоставивший свою квартиру для проведения заседания Центрального Комитета РСДРП, был арестован⁵⁹. Но пребывание в Таганской тюрьме не вызвало у писателя подавленного настроения, чего так боялся Горький. «Это хорошо, когда тебя сожмут, — хочешь всесторонне расшириться!» — говорил Андреев⁶⁰.

Но уже вскоре оптимизм начинает чередоваться с неверием в революционные силы⁶¹. Писатель говорит то о великом значении революции, то о боязни укрепления антиреволюционных тенденций. Смена столь же противоречивых общественных настроений была характерна для него и в 1906 году⁶².

Горький приводит в своих воспоминаниях следующее высказывание большевика Л. Б. Красина, обращенное к Андрееву, отрицавшему в тот день благотворное воздействие революции на массы: «Если вы утверждаете, что мыться не стоит, — зачем же мыло варить? А ведь вы написали „Василия Фивейского“, „Красный смех“ и еще немало вещей, революционное значение которых — вне спора» (XVII, 56).

Андреев, рьяно отстаивающий в эти годы свою позицию независимого художника, начинает настороженно относиться к Горькому как писателю, связавшему свою судьбу с революционной партией рабочего класса. «К суждениям Максимила относись с осторожностью: он стал очень прямолинеен и в некотором отношении фанатичен», — пишет Андреев Серафимовичу 8 августа 1905 г.

Неясность и противоречивость социальных идеалов Андреева, пессимизм в оценке современных событий, защита мнимой свободы писателя в буржуазном обществе — все это, видимо, привнесло в дружеские встречи тот холодок, о котором Андреев вскоре написал Горькому. Этому в некоторой мере содействовала и личная работа писателей над пьесами о взаимоотношении интеллигенции и народа. Замысел пьесы об астрономе, возникший у Андреева в 1903 г., увлек Горького. Он попросил уступить ему тему; затем оба решили одновременно использовать этот замысел в своих драмах. «Дети солнца» были написаны Горьким в Петропавловской крепости, в октябре 1905 г. пьеса уже шла в театрах. В октябре же Андреев прочел в кругу друзей драму «К звездам», в основу которой лег замысел, шутливо изложенный Горьким в письме к Пятницкому: «Леонид вдохновился Клеймом и хочет изображать человека, живущего жизнью всей вселенной, среди нищенски серой обыденщины. За это его треснут в 4-м акте телескопом по башке»⁶³. Пьеса не удовлетворила слушателей. Горький посоветовал коренным образом переработать драму, приблизив ее к современности⁶⁴. Оба драматурга расстались холодно.

В воспоминаниях о Леониде Андрееве Горький говорит, что этот холод возник в связи со спором по поводу «Саввы». Однако письма Андреева и его жены, а также письма Горького к И. П. Ладыжникову (март 1906 г.) свидетельствуют о другом. Запомнившееся Горькому событие правильнее связать с близким по времени обсуждением пьесы «К звездам». В начале ноября 1905 г. Андреев во многом переработал свою драму, вернее, написал ее заново, введя новые персонажи и изменив основной конфликт. Пьеса приобрела революционное звучание. Однако не следует преувеличивать роль Горького в этой переработке. Андреев писал Пятницкому: «Дело в том, что я уже написал пьесу, но поразмыслил — и перечеркнул ее всю. А теперь пишу заново, совсем в иной концепции, и тороплюсь, чтобы начерно окончить до отъезда»⁶⁵. Первая редакция пьесы показывала конфликт (хотя и недостаточно социально проясненный) между «детьми Солнца» и «детьми Земли»; в новом варианте звучала скрытая полемика с Горьким. Андреев не согласен с горьковской трактовкой «вины» Протасова. В новой редакции утверждалась социальная ценность и революционных и научных подвигов. Подозрительному отношению суховатых революционеров к научной работе талантли-

вого профессора, расцениваемой ими как непростительный отрыв от общественной борьбы, Андреев противопоставлял отношение рабочего Трейча и крупного революционера (сына астронома). Им понятна научная одержимость Терновского, его стремление проникнуть в тайны космоса. И ученые и революционеры вносят свой вклад в борьбу за прекрасное будущее человечества, путь к звездам окрашен кровью и тех и других — такова основная мысль новой редакции драмы.

Бдительная цензура тотчас же усмотрела в ней идеализацию «революции и ее деятелей». Цензор Ламкерт писал: «Драма заканчивается настоящим гимном в честь погибшего сына-революционера» ⁶⁶. Пьеса «К звездам» была весьма ярким и сильным откликом писателя на события 1905 г. Но одновременно с этим гимном Андреев создал рассказ «Так было», выражающий сомнение в победе революции. По справедливому замечанию Лунатарского, в этом произведении нашла отражение индивидуалистическая позиция автора, взглянувшего на мир «в щелочку индивидуальной души» ⁶⁷.

Горький не мог разделять пессимизма Андреева; вновь резко выявились различные точки зрения ⁶⁸. Разъясняя в ответном письме к Андрееву (№ 139) причины возникшего «конфликта», Горький не преминул подчеркнуть, что он и Андреев — сторонники различных мировоззрений, различных восприятий действительности. Именно это, а не личные столкновения, заставили Горького отодвинуть сложившиеся ранее дружеские отношения «в глубь души».

«Я социал-демократ, — писал Горький, — потому что я — революционер, а социал-демократическое учение — суть наиболее революционное <...>

Анархизм — нечто очень уж примитивное <...> В конце концов — анархизм мертвая точка, а человеческое „я“ суть начало активное — даже в самом отрицании такового и иным быть не может...»

Для Горького революция 1905 г. — революция надолго, поражение заставило народ лишь временно отступить, но не сдаться. «Теперь мы, русские, потащим мир вперед», — пишет Горький в июле — августе 1906 г. (№ 142). Как непохоже это на метание Андреева в попытках выяснить роль революции для русских людей.

Горьковское выявление сути возникших разногласий было воспринято как совершенно справедливое и Андреевым. В письме к Амфитеатрову от 20 марта 1906 г. им дана следующая характеристика своей позиции: «Горький сам — Красное знамя, а я — Красный смех, нечто в политическом смысле никакого значения не имеющее. Правда, по существу моей литературной деятельности — я революционер, — но это не то революционерство, которое требуется моментом».

Но несмотря на идеологические разногласия, каждый из писателей продолжал напряженно следить за жизнью и творчеством другого; при этом Горький стремится все резче подчеркнуть в своих оценках анархические тенденции андреевского творчества, а Андреев делает попытки понять опыт Горького как писателя-социалиста. То, что многими критиками было воспринято как нечто новое в горьковских произведениях революционных лет, для Андреева было естественным завершением давно начавшегося процесса. О рассказе «Тюрьма», который только в наше время привлек внимание критики, Андреев писал восторженно: «С каким наслаждением прочел я вчера „Тюрьму“. Как это хорошо, как это приятно, как это особенно — *по-горьковски* <...> И у твоих писаний совсем особенный, очаровательный вкус, благородный, сильный, единственный. И прежде всего: *вкус свободы*, чего-то вольного, широкого, смелого» (10—11 марта 1905 г., № 136). Это вольное и смелое было подчеркнуто также в отзыве о повести «Мать». Андреев говорил в нем о Горьком как выразителе чаяний народа: «Точно сам народ заговорил о революции большими, тяжелыми, жестоко страданными словами» ⁶⁹. О том же он писал и самому автору (13 августа 1907 г., № 151). Сведения об этой высокой оценке, противостоящей оценкам критиков, которые видели в «Матери» художественное поражение Горького, проникли также в печать ⁷⁰. Приветственно встретил Андреев и зарубежные памфлеты Горького; «Проклятие зверя» носит следы их влияния.

Но, приветствуя Горького как создателя новаторского произведения «Мать» (такое понимание повести было свойственно в ту пору немногим), Андреев вместе с тем

выражал явное недовольство отчетливостью партийной позиции автора. Ему кажется, что Горький начинает сужать познавательную силу своего огромного опыта, что он не использует теперь в полной мере своего дарования.

5

Наиболее резко расхождения Горького и Андреева в понимании демократизма и задач современной литературы проявились в 1907 году.

Реорганизация «Сборников товарищества „Знание“», предпринятая Андреевым по предложению Пятницкого, не была одобрена Горьким. Автор «Матери» хотел объединить вокруг издательства писателей, верящих в творческие силы народа и желающих писать для него, Андреев же, ратовавший в канун революции за объединение в «Знании» определенных сил («Теперь особенно на чеку должно быть „Знание“») ⁷¹, не считал уже возможным привлекать к сотрудничеству только сторонников определенной общественно-литературной программы. Сборники, по его мнению, должны были стать пристанищем талантливых авторов, отражающих в своих произведениях пытливые искания человеческой мысли. Область и направление этих исканий его как редактора не интересовали. Андреев писал Бунину: «Программа простая и выполнимая: давать только наилучшее <...>. „Тенденцию“ свести к minimum'у, а то и совсем на нет» ⁷². В сборниках предполагалось участие Блока, Сологуба и других писателей, далеких «знаньевцам».

Андреев соглашался с утверждением Горького, что писатели эти не демократичны. Себя Андреев также не причислял к числу художников, близких народу. Он писал Горькому, что не пригласил бы в народный журнал «и Андреева Леонида — ибо как он ни демократичен по существу своему, — по форме писаний, по темам своим, по направлению мысли он так же далек от народа, как и они», символисты (13 августа 1907 г., № 151). Новые произведения Андреева все более увеличивали эту отдаленность.

Творчество Горького, Вересаева, Бунина, Куприна и Серафимовича неизменно рассматривалось критиками как творчество писателей-реалистов, имя же Андреева заносилось то в списки «трезвых реалистов», то в списки писателей-символистов.

Символизм был связан при своем возникновении с именами поэтов. Буржуазная критика, усматривающая «отступление» реализма перед новыми художественными исканиями, все же видела в этом, как бы одностороннем развитии нового литературного направления, некоторую ущербность. В связи с этим она с огромным интересом следила за развитием творчества Андреева, на котором сказывалось воздействие символизма. Появление прозаика в новом литературном лагере казалось ей весьма знаменательным. «В лице Андреева символизм может, наконец, открыто быть признан новой формой художественных произведений, пришедшей на смену устаревшему реализму», — писал С. Столяров ⁷³. Особенно много внимания критика, пропагандирующая творчество символистов, уделяла Андрееву-драматургу.

Советские исследователи, опираясь на послеоктябрьские свидетельства некоторых мемуаристов, порою пишут, что не только симпатизирующая символистам критика, но и «поэты декаденты и символисты — тоже весьма охотно зачисляли Л. Андреева в свой лагерь» ⁷⁴. Это не соответствовало действительности.

Для зачисления в ряды сторонников того или иного литературного течения необходимо, помимо близости некоторых тем и художественных приемов, усвоение основных взглядов на мир и искусство, характерных для этого течения. Отвечало ли такому требованию творчество Андреева? Сами символисты не склонны были присоединять его к числу своих соратников. Никто из них не отрицал талантливости писателя, они даже нарочито подчеркивали его даровитость и индивидуальное своеобразие художественного почерка. Вяч. Иванов считал Андреева великим талантом ⁷⁵, для А. Белого он «художник огромный» ⁷⁶, В. Брюсов, несколько снижая эти суждения, все же называл Андреева значительным талантом ⁷⁷. Но талант этот в своей основе был чужд им.

Символисты никогда не забывали, с одной стороны, что Андреев все еще остается «полуреалистом», «полудеканентом», что автора «Жизни человека» все еще, даже в наиболее символистских произведениях, тянет в сторону «быта», а с другой, они не прощали ему смыкания в области идеологии с ненавистным им лагерем «знаньевцев».

Толки о кризисе и несостоятельности реализма в новую эпоху возникли прежде всего в лагере символистов и сочувствующих им критиков. Творчество Горького, Куприна, Вересаева и других «знаньевцев» опровергало эти утверждения. Это заставляло символистов усилить борьбу с писателями данного объединения. Редкий номер «Весов» обходился без резкого выпада в адрес того или иного «знаньевца» или всего содружества в целом.

В то время как передовая критика справедливо упрекала Андреева в неясности миросозерцания, проявляющейся в колебании общественных настроений писателя и в его отходе от революционной литературы, символисты находили общественную направленность андреевского творчества слишком сильной и снижающей свою осязаемостью символистическое звучание произведений. Общественные колебания Андреева тревожили их по-иному. Хотя в годы реакции писатель порвал со «Знанием» и стал основным сотрудником «Литературно-художественных альманахов издательства „Шиповник“», символисты не были уверены в том, что он снова не вернется в ряды литераторов, возглавляемых Горьким. Тяготение Андреева к постановке злободневных «проклятых» вопросов настораживало сотрудников «Весов» и «Русской мысли» и вызывало порою отповедь, переходящую границы корректной критики.

Правое крыло символизма — Гиппиус, Мережковский, Философов — открыто выражало негодование по поводу обращения Андреева к социальным проблемам. Как уже отмечалось выше, отклики прогрессивных литераторов на события революции 1905 г. неизменно вызывали раздраженные нападки А. Крайнего (З. Гиппиус), утверждавшего, что «повестям, рассказам, поэмам и трагедиям наступает время, когда проходят времена прокламаций. Что-нибудь одно из двух»⁷⁸. В воинственной антидемократической статье «Братская могила» А. Крайний выступал не только против автора повести «Мать», но и против автора пьесы «К звездам». Отрицательно оценивая «Елеазара» и «Жизнь человека», критик писал: «...но самой слабой, уже не слабой, а прямо позорной, пошло-грубой до скверности, надо назвать драму этого писателя „К звездам“...»⁷⁹.

Символисты хотели во что бы то ни стало отторгнуть Андреева от Горького. В статье «Весенний ветер» Философов, возмущаясь материализмом и романтикой оптимистического творчества Горького, приветствовал отказ Андреева от «общермейского сознания» писателей, примыкающих к «резвому» реалисту Горькому. Критик стремился внушить Андрееву мысль, что, став певцом иррационального начала в человеке, он сделал свое творчество более высоким и значимым⁸⁰. Но художественная практика Андреева не оправдывала ожиданий символистов. Вот почему резкие выступления против Горького нередко переплетались со столь же резкими выпадами против Андреева. В статье «В обезьяньих лапах», вызвавшей возмущение Горького, Мережковский делал попытку не только развенчать Андреева, но и указать ему «истинный» путь художника, который усматривался в отказе от общественности, свойственной русской интеллигенции. «Некогда Горький,— писал Мережковский,— казался великим художником — и перестал казаться; Андреев кажется — и перестанет казаться», если не изменит своего понимания задач литературы⁸¹.

Помимо общественной направленности творчества символисты ставили в вину Андрееву отсутствие «ритмического» перехода от реального к потустороннему.

«Русский символизм,— писал Минский,— провидел в предметах и людях внешние покровы божественных сущностей и таким образом жизненно слил культ красоты с любовью к человеку и религиозной настроенностью»⁸².

Андреев был далек от религиозно-философских увлечений символистов. Об его атеизме свидетельствовало не только творчество, но и отрицательное отношение к попыткам символистов заняться обновлением религиозного сознания. В 1904 г. Андреев оказался среди писателей, не пожелавших сотрудничать в «Журнале для всех» в связи с публикацией на его страницах статьи критика Волжского «Литературные отголоски».

(По поводу книги Булгакова)». Защита религиозного идеализма сочеталась в этом выступлении с выпадами против марксизма. В протесте, посланном группой писателей редактору журнала В. С. Миролюбову, говорилось, что статья «с проповедью бога и злорадною отходною над направлением, имеющим глубокие жизненные корни в современной русской жизни, глубоко возмутила всех нас»⁸³. В феврале 1904 г. Волжский предпринял безуспешную попытку уладить разногласия между сотрудниками и редактором; в письме к последнему критик сообщил, что Вересаева прежде всего возмутило выступление «Журнала для всех» против марксизма, а Андреева — защита религии.

Сближение с символистами, которые хотели превратить популярный орган в свою трибуну, грозило сделать «Журнал для всех» «Журналом для немногих». В июле 1904 г. Андреев писал Миролюбову по поводу религиозно-философских воззрений символистов: «...ядро культурных россиян совершенно чуждо всей этой схоластически-мистической свистопляске и якобы религиозным исканиям — этой эластичной замазке, которою они замазывают все щели в окнах, чтобы с улицы не дуло»⁸⁴.

Причины конфликта, который закончился отказом Миролюбова предоставлять страницы своего журнала подобной проповеди, символистам были хорошо известны. Они не возлагали надежд на изменение автором «Христиан» и «Жизни Василия Фивейского» своего отрицательного отношения к неохристианству.

Пессимизм Андреева связывался символистами с богоборческими тенденциями писателя, которые, по их утверждению, мешали ему приблизиться к пониманию потустороннего высшего бытия. Вяч. Иванов писал: «Если для символиста „все преходящее есть только подобие“, а для атеиста „непреходящего“ вовсе нет, то соединение символизма с атеизмом обрекает личность на вынужденное уединение среди бесконечно зияющих вокруг нее провалов в ужас небытия»⁸⁵. Присоединяясь к мнению Вяч. Иванова, Философов также заявлял, что атеизм мешал Андрееву признать правду символического метода и сделал писателя пессимистом. В статье Философова говорилось: «Символический метод в соединении с атеизмом приводит к последнему отчаянию, к кошмару „черных масок“»⁸⁶.

Противники реализма упрекали Андреева в полном непонимании истинного духа символизма. Это выразалось, по их единодушному признанию, в отсутствии попыток воспринять символизм в единстве мировоззрения и стиля, в неумении усвоить сущность этого метода. Это дало им повод говорить об Андрееве как об одном «из самых смелых по замыслам и самых безвкусных» своих эпигонов⁸⁷.

В статье, посвященной «Анатэме», А. Белый так определил искания Андреева: «он желает быть символистом и вместо этого становится „сентенционистом“: облекать сентенции в скюртки, изображать „сущности“ в виде кавалеров в плащах еще не есть символизм...»⁸⁸. Философов называл символизм Андреева «картонным»⁸⁹, Гиппиус утверждала, что мистика у Андреева «какая-то не мистическая»⁹⁰. Близкую оценку найдем и у Брюсова, писавшего в связи с появлением «Жизни Василия Фивейского»: «При внешнем таланте изображать события и душевные состояния, Л. Андреев лишен мистического чувства, лишен прозрения за кору вещества. Грубо-материалистическое мировоззрение давит дарование Л. Андреева, лишает его творчество истинного полета»⁹¹.

В представлении Брюсова и его единомышленников Андреев — писатель, лишенный понимания высших запросов культурного человека. Они выносили Андрееву единодушный приговор: писатель талантливый, но не культурный. Наиболее ясно данное заключение было выражено в статье Брюсова, написанной в связи с постановкой «Жизни человека» в Московском Художественном театре. Брюсов писал: «Л. Андреев как художник не связан с высшей духовной жизнью своего времени. Он художник не верхов своего века, а его середины. Я бы выразил это еще иначе. Л. Андреев — талантливый писатель, но не умный и не образованный человек»⁹².

Казалось, нельзя было не согласиться с тем, что Андреев не владеет передовым мировоззрением своего времени, что круг его интересов узок, а знания ограничены. Но Брюсов в понятие «верхов» века так же, как и в понятие «культурности» вкладывал, подобно другим символистам, особое содержание.

Высшая духовная жизнь определялась для них запросами и исканиями рафинированной интеллигенции, связавшей свою судьбу с судьбой буржуазии. Именно она, эта небольшая группа людей, находившаяся в плену идеалистической философии и европеизированного эстетизма, представляла для символистов «верхи» общества, ее высшую культуру.

Андреев отдал большую дань увлечению идеалистической философией, но ему была чужда утонченная и извращенная культура, привлекавшая символистов и декадентов. О том, кого они зачисляли в ряды крупнейших культурных деятелей, ярко свидетельствует примечание редакции «Весов» к статье Гиппиус «Братская могила».

ГОРЬКИЙ И АНДРЕЕВ В ЛИТЕРАТУРНОМ КРУЖКЕ «СРЕДА»

Фотография К. Фитера, Москва, декабрь 1902 г.

Сидят (слева направо): Горький, Андреев, И. А. Бунин, Н. Д. Телешов; стоят: С. Г. Скиталец, Ф. И. Шалапин, Е. Н. Чириков

Музей Горького, Москва

Пояснив, что «Весы» полностью разделяют понимание культуры, данное Гиппиус, редакция выступила в защиту «культурнейшего писателя» — декадента М. А. Кузмина.

Андреев пристально следил за отзывами символистов, но они, по-видимому, мало трогали его. Писатель справедливо был убежден в несоответствии своего творчества основным философским и эстетическим доктринам символизма. Широко используя художественные приемы символистов, Андреев тем не менее не разделял их воззрений на искусство и его роль в обществе. Эстетизм, свойственный представителям нового литературного течения, вызывал у писателя насмешливое отношение.

Андреев никогда не отрицал великих достижений русского реализма. «Если вообще искусство международно, то русское — междупланетно», — писал он В. И. Невмировичу-Данченко⁹³. Андреев испытывал чувство восхищения перед гением Толстого и был потрясен творчеством Достоевского. В числе своих учителей им были названы имена Гаршина и Чехова. Однако реализм молодых литераторов, не обновленный дальнейшими художественными исканиями, уже не удовлетворял Андреева. Бытописатели, хотя бы и незаурядного таланта, казались ему скучноватыми. В то же

время творчество символистов воспринималось Андреевым как слишком подчиненное давлению художественной формы. Писатель, поощряемый шумом, который вызывали в печати его произведения, ставил перед собою дерзновенную задачу расширить границы литературы, обновив ее содержание и форму. Почти вся современная критика, в том числе и символистская, отметила оригинальность тем, введенных им в литературу, и своеобразие его художественного зренья. Но вместе с тем критику смущало почти одновременное появление в печати реалистических и символических произведений: «Рассказ о семи повешенных» и «Черные маски» — 1908; «Анатэма» и «Gaudeamus» — 1910; «Океан» и «Сашка Жегулев» — 1911, и др. В символических пьесах находили место и сугубо-реалистические сцены («Жизнь человека»). Введение этих сцен нарушало символистский план, как бы низводя отвлеченную символику на землю и тем самым приобщая ее к обыденности. Автор явно стремился к синтезу двух литературных течений. Это наряду с идейными колебаниями писателя вызывало в критике самые противоречивые толкования. Для символистов Андреев неприемлем как общественный бунтарь, посвятивший свое творчество переоценке ценностей, для писателей-демократов как литератор, изменивший мятежному духу своего раннего творчества и отдавший дань декадентству. Андреев сам не отрицал двойственности своей позиции. «Кто я? — писал он Горькому. — Для благороднорожденных декадентов — презренный реалист; для наследственных реалистов — подозрительный символист» (23—26 декабря 1912 г., № 173)⁸⁴.

В годы реакции Андреева, как и ранее, тянуло к Горькому, хотя он отлично понимал, как различны их «мироощущения» и «мирочувствования», как несхожи теперь их литературные судьбы. «Жить нужно или так, как ты живешь, или так, как я хочу жить, — пишет Андреев Горькому 11 февраля 1908 г., — или стоять в самой кипении жизни, творить ее, или отойти от нее на расстояние и пытаться осмыслить ее. К последнему тяготее я всем складом души моей» (№ 155). Андреев продолжает видеть в лице Горького нового Человека, смелого преобразователя русской литературы, писателя, сохраняющего верность избранному пути. И это его пленяет. Нельзя заподозрить Андреева в недооценке себя как новатора, но это не мешало ему трезво судить о литературе своего времени. Он понимал, что идейно-художественные искания Горького более значимы для читателя-демократа и развития новой русской литературы, чем его собственные поиски. В этом была трагедия Андреева-художника.

Андреева угнетало чувство одиночества, особо остро проявившееся в связи со смертью жены. От этого одиночества писатель бежал в творчество, лишь оно приносило некоторое успокоение. В ноябре 1906 г. он пишет Вересаеву: «Только и живешь, пока работаешь»⁸⁵. То же скажет Андреев и в годы первой мировой войны и в последний год своей жизни. Но, давая забвение этого одиночества, творчество художника само проникалось мотивами одиночества и пессимизма.

Разрыв дружеских отношений с Горьким был вызван, как казалось Андрееву, не эволюцией его собственного творчества (он все тот же!), а тем, что Горький сильно изменился и стал нетерпим. Доказательством служило изменение Горьким некоторых суждений о ранних произведениях Андреева. Горький ценил друга за мятежность творчества, за призыв к разрушению буржуазного общества, за яркие выступления против лагеря мещан, за неустанность поисков ответа на вопрос о смысле жизни.

Вспоминая об отношении к Андрееву в начале 900-х годов, Луначарский писал: «Так как эпоха эта сама во многих своих представителях была <...> жизнерадостной и идущей вперед, то многие воспринимали картины Андреева не как абсолютное осуждение жизни, а только как мрачное, но в сущности правдивое изображение того болота старой России, из которого нужно было вырваться как можно скорее»⁸⁶. Но многое из того, что прежде казалось отражением социального бунта, на самом деле было началом «ложного рода» в области общественной тематики. Зерна анархизма (в письмах Горького той поры не раз мелькали высказывания об Андрееве как «миллом анархисте») дали в дальнейшем обильные плоды. Это и послужило поводом переоценки некоторых ранних вещей Андреева.

«Человек» Горького был своеобразной программой творческого объединения в «Сборниках товарищества „Знание“». Никто из сотрудников не возражал против основных положений этого художественного манифеста демократии. Но Горький вскоре сделал огромный шаг вперед, заявив, что для него Человек с большой буквы воплощен в образе пролетария, который идет, «чтобы создать храм истины, свободы, справедливости». До этого понимания «знаньевцы», в том числе и Андреев, утверждавшие в своем творчестве общедемократические тенденции, не поднялись.

Горький с тревогой наблюдал за ростом чуждых устремлений в творчестве недавних соратников. Они покинули много сделавшее для них «Знание» не для того, чтобы в другом месте проявить свои гражданские чувства. Конфликт издательства с сотрудниками осложнил и без того напряженные отношения с Андреевым. В одной из статей К. И. Чуковский писал: «Третий том Куприна — вышел в издании „Мира божьего“. Это большая духовная потеря для фирмы „Знания“. Стоит этой фирме потерять еще и Андреева, и что останется от сборников под синей обложкой?»⁹⁷

Как известно, Горький не пошел на идеологические уступки ради сохранения сотрудничества крупных писателей, изменивших общему направлению этих сборников. Он явно уклонялся от печатания новых произведений Андреева, однако, не желая ускорять разрыв, который не казался еще неизбежным, не сообщал мотивов этого уклонения автору. Андреев был прав в утверждении, что «Знание» ничего не сделало для того, чтобы сохранить с ним издательские или литературные связи⁹⁸. Между тем выяснение вопроса, останется ли он сотрудником этой книжной фирмы, имело для писателя большое значение. Не получив ответа на свои запросы ни от Пятницкого, ни от Горького, Андреев продал «Жизнь человека» и «Царь-Голод» в «Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповник“» и фактически стал их редактором. В этих альманахах сотрудничали и реалисты и символисты.

Оба писателя болезненно переживали разрыв. Андреев сознает двойственность своего положения: он не желает покинуть демократический лагерь литературы и в то же время сближается с писателями, объявившими войну этому лагерю. Попытки уверить себя, что сближение это до известной степени вынужденное и временное, были малоутешительными.

Уход Андреева со всей очевидностью подтвердил свершившееся. «Созвездие Большого Максима» распалось, Горькому вновь предстояло заняться собиранием литературных сил⁹⁹.

Желание Андреева стать редактором нового альманаха Горький воспринял как возмужание писателя. В письме к С. П. Боголюбову говорилось: «он настолько вырос, что пора ему играть самостоятельную роль» (17 октября 1907 г.).

Гвоздем первого альманаха «Шиповник» стала пьеса «Жизнь человека». Андреев не был восхищен «Детьми солнца», но и собственная пьеса «К звездам», которая вскоре вызвала положительную реакцию прогрессивной критики и была с успехом поставлена за рубежом¹⁰⁰, не удовлетворила автора. 10 января 1906 г. он писал Пятницкому: «Между прочим „К звездам“ мне очень не нравится, жидкая пьеса»¹⁰¹. Драма «Савва» была признана Андреевым «вещью хорошей — серьезной и сильной. С „К звездам“ и сравнивать, конечно, нельзя»¹⁰². Но и эту пьесу он не считал новаторским произведением в области драматургии. Им стала «Жизнь человека». 10 февраля 1906 г. Андреев писал Пятницкому: «Придумал некоторую новую драматическую форму, такую, что декаденты рот разинут». И ему же 5 сентября 1906 г.: «Вот пьеса, которая очень и очень меня занимает: либо большой провал, либо большой успех и новая форма для драмы»¹⁰³. Закончив работу, Андреев послал «Жизнь человека» для чтения кружку «Среда» и сторонникам мистического анархизма. Ему хотелось услышать мнение и тех и других.

Пьеса имела большой успех. Одни причисляли драматурга к безнадежным пессимистам, другие увидели в пьесе восхищение человеком. Последние слова умирающего героя не были словами примирения с жизнью.

Новая пьеса не только подводила итог давним мучительным размышлениям автора о смысле жизни, но и завершала длительные поиски им художественного выражения своего миропонимания. В конце октября 1906 г. он писал Немировичу-

Данченко: «уверен в художественной целесообразности взятой мною формы, настолько уверен, что задумал уже целый цикл пьес в таком же роде»¹⁰⁴, а в ноябре так характеризовал в письме к Вересаеву изменение своего художественного восприятия: «Вопрос об отдельных индивидуальностях как-то исчерпан, отошел; хочется все эти разношерстные индивидуальности так или иначе, войною или миром, связать с общим, с человеческим»¹⁰⁵.

Герой «Жизни человека» был показан вне связи с конкретной эпохой, социальная среда была обозначена скудными реалистическими деталями. Персонажи не имели личных имен, автор нарочито подчеркивал «собираемость» своих образов, каждый из них награждался немногими, резко выделенными, но не индивидуальными чертами (Враги, Друзья, Гости).

В начале 900-х годов Горький и Андреев высказали близкие на первый взгляд суждения об изображении человека. Горький писал Андрееву: «...изображайте прежде всего людей, а не питтеньянцев, не чиновников, не радикалов, не несчастных. Все это — только внешность, главное же человек. А он интересен и хорош помимо своего костюма — наряжен ли он в радикала или в консерватора» (2—4 апреля 1900 г., № 4). Андреев же сообщал Чуковскому: «Мне не важно, кто „он“ — герой моих рассказов: поп, чиновник, добряк или скотина. Мне важно только одно — что он человек и как таковой несет одни и те же тяготы жизни»¹⁰⁶. Оба высказывания чрезвычайно характерны для каждого из писателей, они близки только внешне. Горький призывает к изображению человеческих характеров в их жизненном разнообразии и противоречивости, он предостерегает от тенденциозной классификации героев. Андреев же стремится к абстрагированию как человеческих характеров, так и тягот жизни¹⁰⁷. Для горьковских героев последние не могли быть одинаковыми. Умышленное «уклонение» от индивидуализации характеров было доведено в «Жизни человека» до предела.

Андреева тянуло к постановке больших мировых тем, которым он стремился придать трагический характер. Критика справедливо признавала его мастером преувеличенно-заостренных положений и контрастных художественных приемов.

Горький дал высокую оценку «Жизни человека» как крупного шага «вперед в области формы и содержания». В письме было тонко отмечено оригинальное использование Андреевым мистерии и лубка. Не возражая по существу против новой формы философской драмы, Горький не согласился, однако, с принципами абстрактной типизации образа основного героя. Раскрывая эти принципы в письмах к Немировичу-Данченко, Андреев говорил, что хочет остаться в своих новых пьесах «ирреалистом. врагом быта — факта — текущего. Проблема бытия — вот чему безвозвратно отдана мысль моя, и ничто не заставит ее свернуть в сторону»¹⁰⁸. Но, оголив человека, «отдалив его от действительности», Андреев тем самым лишил его, по словам Горького, «трагизма, плоти, крови». В силу этого человек оказался «ниже и слабее, чем он есть в действительности, менее интересен» (№ 145).

Пьеса встревожила Горького равнодушием Андреева к героической судьбе человека, а ведь в 1905 г. он видел немало героев. «Орленку» из рассказа «В темную даль» пора было превратиться в орла. В пьесе «К звездам» Андреев не решился изобразить настоящего героя, но многие персонажи этой пьесы говорили о таком возмужавшем орленке. Тяготая к вневременному художественному обобщению, Андреев исключил из «Жизни человека» активный протест, борьбу. И это-то прежде всего и было подмечено Горьким.

В годы реакции многие литераторы сосредоточили свое внимание на измельчании человека. Заявления Горького в статьях 1908—1912 гг. о необходимости идеализировать человека были вызваны полемикой с литературой, которая умаляла людей, показывая бесплодность их борьбы. Андреев внес в это принижение свой вклад.

Горький — художник, публицист и организатор литературы — отдал немало сил противодействию литературной реакции. Большинство же его недавних соратников «знаньевцев» заняло иную позицию; писатели стали сотрудниками изданий, лишенных прогрессивного общественного направления. Горький не мог примириться с союзом, который Андреев заключил с предводителем Смертяшкиных Сологубом. Горького трево-

жила не только личная судьба Андреева, в талант которого он продолжал верить, но и использование творчества писателя в качестве знамени антидемократической литературной группы.

Новое положение — Леонид Андреев в его противостоянии М. Горькому — не могло остаться незамеченным. Рецензии на первые книги нового альманаха, которые были признаны одним из наиболее интересных явлений современной литературы, нередко отмечали их полемическую направленность. Так, в рецензии «Русского богатства» говорилось: «...как прежде созвездие „Знания“ вращалось вокруг центрального имени г. Горького, так в настоящее время крупные, средние и малые беллетристы „Шиповника“ примыкают к центральному светилу, Леониду Андрееву, и нам даже кажется, что выйди подряд 2—3 №№ „Шиповника“ без рассказа или драмы этого крупного художника — внимание и сочувствие публики сразу отхлынуло бы от популярной издательской фирмы». Андреев назывался в этой рецензии камнем, «на котором зиждется новая литературная церковь»¹⁰⁹.

И вполне понятно, что деятельность Андреева не только как участника, но и организатора этой «литературной церкви» усилила отрицательное отношение Горького к недавнему другу, продолжавшему испытывать в эти годы резкие колебания своих настроений¹¹⁰.

Появление «Тьмы», этой «мазницы дегтя», по образному выражению Горького, уничтожило неясность во взаимоотношениях друзей. Отказавшись от изображения активного отношения к жизни, Андреев пошел в ногу с литераторами, презираемыми Горьким. И хотя это не было неожиданностью (предшествующие выступления писателя уже вызывали большую тревогу), Горький тяжело переживал «измену» своего недавнего литературного соратника. Для него было несомненно — сотрудничество в чуждых изданиях погубит крупный талант, а этот талант был ему дорог.

Марксистская критика, пристально следившая за творческим развитием Андреева, не могла не выступить с резкой оценкой «Тьмы». В статье «В ночь после битвы» В. Воровский писал: «Идея господства на земле тьмы, в борьбе с которой неминуемо гибнет все сильное, смелое и прекрасное — звучит, как похоронный звон, во всем творчестве Андреева. Но совершенно новую постановку, или, вернее, новое разрешение находит эта идея в рассказе „Тьма“, помещенном в третьей книжке „Шиповника“ . И не только новое, но и весьма странное, ибо здесь эта идея поступает на службу ма-родерству»¹¹¹. Эмиссаром смерти, гробокопателем, провозвестником господства тьмы был назван Андреев и в статье Луначарского «Тьма», опубликованной в сборнике с примечательным заглавием «Литературный распад». «На мой взгляд,— писал критик,— „страшная правда“ Андреева с точки зрения теоретической этики не стоит выеденного яйца, а с практической точки зрения есть одетая в люмпенпролетарское тряпье консервативно-мещанская реакция на революцию»¹¹². Столь же отрицательно была встречена и пьеса «Царь-Голод». Назвав Андреева идеологом мещанства, Луначарский пояснил: «Это революция, отраженная в голове мещанина, пусть художника, но безнадёжного мещанина <...> Мысль Андреева всегда будет слаба в своих титанических потугах, ибо он мещанин. Он дошел до нигилизма, до всеотрицания. Боже мой, пустое и всеобщее отрицание есть только утверждение, ибо во тьме, в которую Андреев хочет погрузить мир, все кошки становятся серы. Чтобы тьма была тьмой, надо противопоставить ей свет. Андреев боится его»¹¹³.

Этот приговор глубоко ранил Андреева. Он готов был признать, что новые произведения не удалась ему, но не мог примириться с мыслью, что его причисляют к выразителям идеологии, против которой он еще недавно выступал с таким ожесточением. Горшей обиды быть не могло.

Как уже отмечалось выше, борьбу с мещанской идеологией, содействующей устойчивости ненавистного социального строя, Андреев считал родственной борьбе Горького за переустройство жизни. Но в то время как Горький боролся против социальной философии и общественной практики мещанства, Андреев уделял основное внимание борьбе с моралью мещан. Раздумывая над различными формами данного протеста, Андреев, не без влияния Горького, приходил к справедливому выводу, что они обусловлены различием общественно-художественного сознания авторов.

Совершается бунт человека во имя высокого идеала завоевания счастья человечеству или же в основе его лежит желание обрести благоустроенный покой? Революционный мятежный дух владеет людьми или это только завуалированное высокой фразой стремление к сытости? — вот вопросы, неустанно тревожащие Андреева. Он много размышлял над творчеством Горького, желая понять, что делает его таким сильным, и приходил к выводу, что сила эта заключается в ясной и неколебимой целеустремленности горьковской деятельности. Одна и та же целенаправленность была характерна для Горького как художника, так и человека. Андреева всегда поражала щедрость, с которой крупнейший талант эпохи тратил свои силы, отдавая их не только своему творчеству, но и кипучей общественной работе, объединению литераторов вокруг издательства «Знание», литературной товарищеской помощи (Горький с огромным вниманием читал десятки чужих рукописей). Восхищенно следя за уверенной поступью Горького, Андреев с горечью признавал, что сам он не обладает ею.

В 1902 г. Андреев задумывает рассказ о том, как человек губит свой талант: «Талант большой, а человек маленький. Талант тянет к свободе жизни, к шире, к мученичеству — человек пищит и просится на мешанскую кухню» (№ 67)¹¹⁴. Отражение подобных раздумий мы найдем и в письме к Е. Л. Бернштейну (сентябрь 1905 г.), в котором писатель уже в прямой форме противопоставляет себя Горькому, отрицающему «обывательщину не только мыслью, но и жизнью своею».

Кто я — мятежник или мещанин? — этот личный и одновременно социальный вопрос Андреев ставил неоднократно. Признавая, что в основе его миропонимания не лежит твердая вера в тот или иной идеал, писатель полусутоливо писал в 1904 г., что ему невольно «остаётся бунтовать — пока бунтуется, да пить чай с абрикосовым вареньем»¹¹⁵.

Однако, давая столь нелестные оценки двойственности своей натуры, Андреев все же был глубоко убежден в антимещанской сущности своего творчества. И этому вдруг был нанесен такой удар. Необходимо было выяснить, и как можно скорее, разделяет ли мнение Луначарского Горький, ведь не так давно, в мае 1902 г., он писал Андрееву, что не верит в возможность превращения его в мещанина. На Капри летит одно письмо за другим.

Андреев был удручен отзывами, идущими из революционного лагеря, но, не соглашаясь с ними в оценке собственного творчества, признавал вместе с тем большое общественное значение выступлений против реакционной литературы. Мартовское письмо 1908 г. (№ 157) явно отражает взволнованность статьей Воровского «В ночь после битвы». В нем говорится о литературных мародерах — Мережковском, Гиппиус и других, которые «явились на поле сражения и обирают убитых». Андреев не хочет идти в ногу с этими литераторами его тревожит мысль, что он сопоставлен с ними. Несмотря на горечь обиды в связи со статьей Луначарского в «Литературном распаде», в конце письма к Горькому несколько неожиданно сказано: «А в общем все-таки ваш сборник хороший и своевременный»¹¹⁶.

Оценка последних произведений Андреева явно выходила за рамки личных отношений. На этот раз Горький ответил другу в печати. В статье «Разрушение личности» создатель «Тьмы» был поставлен рядом с авторами, преследующими цель «затемнить и запачкать» революционера. Подобная задача не входила в субъективные намерения Андреева, но объективный смысл его произведения был таков.

Общение с Капри было прервано. Разрыв продолжался долгое время. В декабре 1910 г. Андреев был в Италии, но не посетил Горького.

«Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповник“» нашли в годы реакции своего читателя; отдельные выпуски этого альманаха имели более высокие тиражи, чем «Сборники товарищества „Знание“». И тем не менее, Андреев трезво оценивал свое литературное окружение и не хотел надолго связывать с ним свою творческую деятельность. У Андреева не было близких друзей ни в литературе,

ТРЕТИЙ СБОРНИК «ЗНАНИЕ»
СПб., 1905). ЗДЕСЬ НАПЕЧА-
ТАНЫ ПЬЕСА ГОРЬКОГО «ДАЧ-
НИКИ» И РАССКАЗ АНДРЕЕВА
«КРАСНЫЙ СМЕХ»

Книга посвящена памяти
А. П. Чехова

Титульный лист

Издание товарищества „ЗНАНИЕ“ (СПб., Невский, 92).

III.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНИЕ“ ЗА 1904 ГОДЪ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

Сенгальскъ. Памяти Чехова.
А. Купринъ. Памяти Чехова.
М. Горькій. Дачники.
И. Бунинъ. Памяти Чехова.
Л. Андреевъ. Красный смехъ.

Цѣна 1 рубль.

С-ПЕТЕРБУРГЪ

1905.

ни в личной жизни. Дом писателя был полон посетителей, все это были приятели, давние и новые знакомцы, но не друзья.

Признание в письме к Горькому: «И во все эти годы молчания ты занимал в моей жизни не меньше живого места, чем рядом живущий, самый близкий и живой человек» (№ 159) — значило многое. Шумная слава не покидала писателя, было много творческих замыслов, еще легко работалось. И все же он испытывал большую неудовлетворенность, ему не доставало доверия Горького.

Будучи любителем парадоксов, Андреев оставил немало выразительных высказываний в защиту свободы творчества, они, однако, не согласовались с истинной позицией писателя. Таково, например, часто цитируемое в работах об Андрееве заявление о праве художника сегодня быть мистико-анархистом, а послезавтра идти «к Иверской с молебном, а оттуда на пирог к частному приставу»¹⁷. Выступления и письма Андреева содержат немало гневных слов в адрес подобных «свободолюбцев». Отстаивая независимость художника от политики, Андреев все же никогда не забывал об общественном долге писателя. Об этом, помимо художественных и публицистических произведений («Красный смех», «Из рассказа, который никогда не будет окончен», «Рассказ о семи повешенных», «Памяти Владимира Мазурина» и др.), говорит общественная деятельность писателя. Она не имела размаха, свойственного Горькому, и в годы реакции была весьма ограничена, но все же нельзя не считаться с нею.

И в начале 900-х годов и в годы реакции Андреев определял свои задачи как революционные. Беда была в том, что он плохо разбирался в природе этой революционности. Она продолжала носить ярко выраженный анархический характер («Царь-Голод», «Океан» и др.).

Несмотря на разрыв с Горьким, Андреев все еще был убежден, что он и писатель-- социал-демократ близки в истоках своего творчества, что они могут идти рядом. В феврале 1910 г. заведующий конторой «Знания» С. П. Боголюбов сообщил Горькому о разговоре с Андреевым, который заявил: сойдись он вновь с Горьким в «Знании» — всем альмавахам конец. Никто уже не сможет серьезно противостоять их единству.

Горьковская критика последних лет была сурова и резка по тону, но Андреев продолжал чувствовать любовь писателя к своему таланту. Они были разные, но хорошо понимали друг друга. Андрееву недоставало ожесточенных схваток с Горьким по вопросам литературы, политики, личного творчества, — он все еще не мог забыть дней и ночей, проведенных в жарких спорах и беседах. Общение с Горьким расширяло представление о кипении новой жизни, о новых задачах русского общества, о новых дерзаниях человеческой мысли.

В письме, прервавшем трехлетнее молчание, Андреев вновь возвратился к излюбленному утверждению: «по существу же чувств и мыслей моих и всей моей жизни и уверенно считаю себя твоим неизменным и верным союзником» (12 августа 1911 г., № 159).

Чутко улавливая новый подъем общественного настроения, Андреев писал, что кончается пора уныния и необходимо «привести молодую литературу к революционному единству». Это мог сделать только Горький. Андреев выражал готовность вновь сражаться под знаменем своего друга. Сама действительность убедила писателя в том, что «отход» от Горького нарушал перспективу в осмыслении им «груды накопленного».

В пору возникновения дружбы Андреев был взволнован мыслью: человека или же только литератора любит в нем Горький. Возможность подобного разъединения возмущала его. Теперь Андреев готов признать: личная дружба поколеблена. Однако он не хотел, не мог согласиться с тем, что они как писатели чужды друг другу.

Горький ответил большим письмом. Разъясняя причину разрыва дружеских отношений, оно показывало вместе с тем обусловленность этого разрыва различным пониманием задач литературы в эпоху реакции. «Ты сократил расстояние, — писал Горький, — между тобой и „обозной сволочью“ и тем понизил значение литературы — я знаю, не один ты, конечно, а и Куприн и многие-многие. Но многие, может быть, по твоему примеру: если сам Андреев, то и мы можем» (№ 160).

Письмо говорило о более серьезных причинах разрыва, чем это казалось Андрееву. И все же, невзирая на различное восприятие жизни, революционной борьбы и ее героев, Андреев верил в возможность полного примирения.

В 1903 г., не получая ответа от Горького на свои покаянные письма после пьяного дебоша в Нижнем-Новгороде, Андреев решил послать ему только что законченную «Жизнь Василия Фивейского». Этот рассказ должен был решить судьбу их дружбы, показать Горькому, ошибся ли он в талантливости и социальной значимости творчества Андреева. «Савва», прочитанный в Глионе, помог забыть о конфликте конца 1905 г. Андреев надеялся, что новое удавшееся произведение и на этот раз сблизит его с Горьким.

Современники, в том числе и В. Е. Беклемишева¹¹⁸, вспоминают о творческом подъеме, охватившем писателя в период работы над «Сашкой Жегулевым». О том же свидетельствовал и сам автор. Это был отклик на недавние, хорошо памятные события, отклик, достойный, по мысли Андреева, положительного признания читателя-демократа. В одной из бесед о современной литературе и своей работе над романом Андреев сказал: «Что касается содержания, то его можно определить одним словом: „Россия“. Мне уже давно хотелось написать о России... Я взял один из любопытнейших моментов русской истории: эпоху развала революции. Это была полоса, когда, с одной стороны, пробуждалась „черноземная Россия“, шевельнулся народ, а с другой стороны — интеллигенция пребывала уже в полной деморализации. Расцвели всевозможные „лиги любви“, бурной волной пронеслись экспроприации. И тут, и там деятельное участие принимали подростки — гимназисты, которые бросали школу и шли в лес, чтобы организовать шайки экспроприаторов»¹¹⁹. Работа над «Сашкой

Жегулевым» связывалась Андреевым с общим поворотом современных писателей «к коренной теме русской литературы — к проблеме совести».

Успех «Жизни Василия Фивейского», как уже отмечалось, вызвал у Андреева уверенность в художественной целесообразности избранной манеры изображения. Его интересовала не «диалектика души», а крайние проявления чувствований и размышлений человека, не воссоздание реальной действительности, а лишь выявление некоторых примет ее.

В письме к М. Неведомскому 1904 г. писатель сообщил об одном из своих замыслов: «Мне хочется, например, написать о террористах-семидесятниках, дать душу этого движения, этих людей, о которых я знаю только по книге, и я думаю теперь, что это может мне удаться»¹²⁰.

Замысел этот не был реализован, но отзвук его несомненно слышится в «Сашке Жегулеве». Андреев не ставил перед собой задачу воссоздать реальную картину стихийной борьбы в 1906—1907 гг., его интересует прежде всего «душа этого движения», привлекающая молодежь, жаждущую борьбы и подвига. Юный и чистый Саша становится грозным мстителем во имя поправной социальной справедливости: «Вдруг стало стыдно читать газеты, в которых говорилось о казнях, расстрелах, а из каждой строки глядела безумно-печальными глазами окровавленная, дымящаяся, горящая, истерзанная Россия»¹²¹.

Тема, избранная Андреевым для романа, была обойдена писателями-современниками, а между тем она была жизненна и свидетельствовала о явном стремлении автора сделать новый шаг в сторону демократической литературы. В статье «Партизанская война» Ленин неоднократно возвращался к вопросу о «партизанской войне», возникшей после декабрьских событий. Этот вопрос стоял на IV (объединительном) съезде партии. Ленин говорил о поддержке большевиками партизанских выступлений населения, «здесь ясна связь новой формы борьбы с восстанием, которое было в декабре и которое назревает вновь»¹²². Это был ответ на карательные меры правительства и черносотенные погромы. Во главе этих партизанских выступлений стоял уже не старого типа интеллигент-заговорщик, а «рабочий боевик или просто безработный рабочий»¹²³. Но наряду с организованными действиями и экспроприацией возникал стихийный протест масс, носящий анархический характер. Ленин писал: «Как преимущественную и даже *исключительную* форму социальной борьбы, эту форму борьбы восприняли босяческие элементы населения, люмпены и анархистские группы»¹²⁴.

В романе «Сашка Жегулев» была показана именно стихийная форма социального протеста, причем в пору утраты ею какой бы то ни было связи с революционностью¹²⁵. Герой романа, обрекавший себя на «жертву» во имя любви к народу, не мог внести разумное начало в действия своих приспешников; он сам был таким же стихийным протестантом.

Роман вызывал у читателя чувство тревоги, ощущение социальной неустроенности жизни, но он не давал ясного представления об авторской оценке сил, выдвинувших Жегулева в качестве атамана «лесных братьев», и преследуемых ими целей. Образы Петруши, матроса и Колесникова не обладали четкостью. Признание неизбежной обреченности стихийных анархических протестов затемнялось усиленно подчеркиваемой роковой предопределенностью судьбы Саши Погодина.

Не была создана также впечатляющая картина растрепанной Руси. Социальная психология, как и в более ранних произведениях («Губернатор», «Так было» и др.), оказалась подмененной философско-мистическими мотивами.

В лирических отступлениях автор говорил о бесплодности народной ярости, лишенной надежды и смысла. Однако авторское утверждение, что «уже других путей ищет народная совесть, для которой все эти ужасы были только „мгновением“»¹²⁶, оказалось неразвернутым.

Стихия лиризма, пронизавшая роман, содействовала возбуждению симпатии и сострадания к юному герою, который не услышал истинных, революционных «звон» времени, но она же углубляла впечатление неясности основной идеи произведения.

В романе делалась попытка воскресить психологию интеллигенции, сделавшей мерилом своей эстетики и этики самопожертвование ради блага людей¹²⁷. Обрекая своего героя на бесплодную гибель, Андреев в то же время любит его «подвигом» самоотречения. По поводу подобного любования В. Воровский писал: «психология интеллигенции, которая так высоко ставила эстетику героического самопожертвования, складывалась и господствовала в эпоху, когда это самопожертвование было главным и наиболее ценным фактом в общественной борьбе <...> Быть в эпоху массового героизма эстетом индивидуальных героических усилий самопожертвования — значит разойтись с действительностью на целое поколение»¹²⁸.

Андреевское истолкование проблемы совести, перекликающееся с народнической трактовкой этой проблемы, явно не соответствовало новым историческим условиям¹²⁹.

Желая как можно быстрее узнать мнение Горького — оно как и ранее было так дорого, — Андреев послал в Италию корректуру «Сашки Жегулева». Это был как бы ответ на письмо Горького, упрекавшего Андреева в связи с «Моими записками» в проповеди пассивного отношения к жизни, «неожиданной для меня и тебе несвойственной» (№ 160). Но ожидания автора не оправдались, Горький не признал в нем своего союзника. Роман, который писался с таким волнением, окончательно разделил их.

В конце 1910 г. Горький иронически говорил о «Дне гнева» как неудачной попытке Андреева поднять свою общественную репутацию. Рассказ был типичен для Андреева-индивидуалиста. Столь же безуспешную попытку Горький увидел в «Сашке Жегулеве». Он не был удовлетворен как выбором жизненного материала, так и его освещением.

По поводу основного героя в письме к Андрееву говорилось: «А сам Сашка — деревянная болванка, знакомая издавна; это все тот же изжеванный русской литературой „агнец“, — то есть баран, — приносящий себя в жертву за „грехи мира“, возлагающий на себя бремя неудобносимое и охающий разноголосо, но — всегда одинаково и в 80-х, и 10-х годах, — под игом своим, якобы добровольно взятым на рамена. А — совсем не добровольно и всегда — не по силам; никогда не для себя, но — обязательно во имя чье-то» (№ 164).

Горьковская оценка героя и новых художественных исканий в «Сашке Жегулеве» сильно задела Андреева. Роман был отрицательно встречен большинством критиков, в основном упрекавших писателя в психологической неубедительности характера Саши Погодина, схематичности и неясности образа Колесникова, а также в злоупотреблении символикой¹³⁰. Выступления критиков были огорчительны, но к их резким и часто недоброжелательным отзывам Андреев уже привык. Трудно было примириться с критикой, идущей из лагеря, на который повесть была рассчитана¹³¹.

В отзыве Горького осуждались не отдельные художественные просчеты, а авторское отношение к жизни в целом, нежелание показать новые пути, по которым пошел народ. Это было продолжение страстного спора об изображении человека и его истинного героизма. Приведенный выше отзыв Воровского был направлен в адрес Куприна, автор повести «Лето» обвинял в подобном же отставании от жизни Андреева.

Горьковский оптимизм, основанный на понимании исторического хода событий, был чужд Андрееву. Героизм пролетарских борцов за свободу и истоки этого героизма оставались за пределами художественного познания писателя. Он более живо воспринимал душевные мятежи и гибель человека, чем его победы.

Протест Андреева в «Рассказе о семи повешенных» (1908), направленный против разгула террора в эпоху реакции, сыграл столь же большую роль, как и гневная статья Короленко «Бытовое явление». Новое произведение вновь обратило внимание на Андреева как художника, близкого демократии. В активе других «знательцев» не было столь исполненного горечи протеста. «Рассказ» был ценен возвращением Андреева гуманиста от туманных абстракций к злободневным темам действительности. Современники свидетельствовали об огромном впечатлении, произведенном выступлением Андреева, но Горький не был удовлетворен этим откликом на «волнения эпохи»¹³². Тема нового произведения требовала от писателя-демократа выяснения отношения к человеку-борцу, но Андреев уклонился от подобного ответа. В боевой статье «Разрушение личности» осуждалось снижение облика революционеров,

ведь ни один из них, идя на виселицу, не вспомнил о своем великом деле. В романе и в своей публицистике Андреев обращал главным образом внимание на равенство людей перед лицом смерти, а не на протест против сил старого мира, допускающих подобные казни.

7

«Сашка Жегулев» был отрицательно встречен Горьким, так как, по его мнению, автор и здесь не проявил мироощущения демократии, которое «мужественно и действительно»¹³³. В пьесе «К звездам» были показаны представители революционной борьбы. Наиболее сильный из них, Николай, не появился на сцене, но о нем как подлинном герое-борце говорили почти все действующие лица. В романе никто не противостоял стихии анархизма, новые пути борьбы, найденные народом, в нем указаны не были.

В черновике письма к В. Л. Львову-Рогачевскому (конец 1911 г.) Горький приходил к выводу: «Вообще же Андреев, на мой взгляд, становится все более реакционным писателем». Горький не ставит под сомнение талантливость Андреева, но отмечает новые тенденции его развития в эпоху реакции. Если ранее Андреев причислялся им к писателям, наиболее ярко отражающим настроения передовых сил общества, то теперь, в том же черновом варианте письма, об Андрееве говорилось как о талантливом воплощении отживающей общественной психологии: «Он имеет одно превосходное качество: прекрасно чувствуя старого русского человека, старую нашу психологию, он резко формулирует ее и тем самым показывает всю гниль, всю пагубность ее для нас». Андреев чутко уловил отношение Горького к «Сашке Жегулеву» как произведению, по существу, не отличающемуся от ранее осужденных вещей.

Горечь, вызванная отзывом, усугубилась появлением горьковской статьи «О современности», в которой осуждались литераторы, воспевающие Иуду. Автор «Иуды Искариота» принял этот упрек в свой адрес. Статья, опубликованная в марте, была датирована январем 1912 г.; она писалась под свежим впечатлением от чтения «Сашки Жегулева», и вполне естественно, что Андреев увидел в ней выпад против себя.

«Иуда Искариот» был написан на Капри. В марте 1907 г. Андреев известил Вересаева: «И рассказ кончил. „Иуда Искариот и другие“ — нечто по психологии, этике и практике предательства. Горький одобряет, но я сам недоволен»¹³⁴.

Горький, работавший в то время над повестью «Жизнь ненужного человека», которая разоблачала психологию провокаторства, действительно признал рассказ Андреева значительным произведением и опубликовал его в сборнике «Знание». Но вскоре оценка талантливо написанного произведения была пересмотрена; Горький увидел в нем отражение отрицательных тенденций литературы эпохи реакции. Неожиданная трактовка мотивов предательства приводила к оправданию его. Останавливаясь на этом рассказе, Луначарский писал в сборнике «Литературный распад», что Андреев создал «литературный шедевр», но его стремление «возбудить симпатию к Иуде и антипатию к человечеству» было на руку реакции. В ответном письме к Андрееву Горький сообщал, что в своей статье не имел в виду «Иуду Искариота»: «речь идет о писателях улицы, о том, как они опошляют большие идеи» (№ 166). Однако сопоставление статьи «О современности» с близкими по времени отзывами Горького об Андрееве вызывают и сейчас впечатление, что автор «Иуды Искариота» все же был причислен к числу тех, кто воспевал предательство. Горьковский ответ в данном случае напоминает по мотивам опровержения ответ того же года Сологубу, который прислал писателю протест против публикации «Сказки» о поэте Смертяшкине. В этом сатирическом образе Сологуб справедливо усмотрел свои черты. Однако Горький, типизирующий в своей сказке «сологубовщину», отрицал личный выпад против Сологуба. Он писал, что в Смертяшкине олицетворен не Сологуб, а те литераторы, что тащат на улицу, опросят и пачкают его идеи и даже слова (XXIX, 289). Подобная типизация была произведена и в статье «О современности».

Вслед за нею в июле была опубликована статья «Издалека», посвященная ответам литераторов на анкету «Биржевых ведомостей» об эпидемии самоубийств. Здесь Горький говорил уже не об отдельных произведениях, а об общей направленности андреевского творчества последних лет. В статье высмеивался «доморощенный ниги-

лизм», который позволил Андрееву и Арцыбашеву вообразить себя «титанами, разрушающими зло и ложь мира, никем до них не замеченные и не понятые»¹³⁵. Андреев не отделялся от проповедников пассивного отношения к жизни, признаваемой ими бессмысленной. Этому нигилизму Горький противопоставлял веру в силы демократии, призванной построить новый мир. «К жизни, к работе, а не к смерти надо звать!» — таково было заключение автора «Матери».

Итак, надежды, возлагаемые на «Сашку Жегулева», не оправдались, «каприец» не считал роман прогрессивным литературным явлением. Письма и статьи Горького продолжали говорить о резком различии мировоззрения и литературных устремлений недавних друзей. И хотя Андреев все еще писал о своем желании вновь сблизиться с Горьким и готов был признать «Сашку Жегулева» скучным, — именно этот роман вызвал у него новое отношение к Горькому.

Андреев не согласился с обвинением в том, что он смотрит на новые явления жизни с позиций отживающей психологии. Он не считал справедливой и отрицательную оценку пафоса своего произведения, она была истолкована им как выступление против романтики. Не могло также не задеть Андреева явно полемическое утверждение, что в его последних произведениях «все строго-правильно, все разлиновано и оттого — скучно-все» (№ 164). Творчество Андреева страдало отвлеченностью и рационалистичностью, но вместе с тем оно обладало большой силой эмоционального воздействия, засвидетельствованной множеством современников.

Внутренний спор с Горьким нашел частичное отражение в письме Андреева к Короленко. В нем он как бы стал на защиту героя, отвергнутого Горьким.

Заявив о большом уважении к поколению народников, которое «всю литературу подняло на высоту строгого и неподкупного народослужения», Андреев писал, что вместе с недавно умершим Н. Ф. Анненским «навсегда уходит в могилу та настоящая великая русская революция, которая десятки лет творилась в тишине и молчании одинокими бойцами. Становится пусто и холодно. Будут и еще у нас люди, и даже герои будут, но той чистоты *всего дела*, какая была, уже не будет. Романтики не будет, а без романтики — простите за преувеличение — самая Голгофа становится делом коммерческим»¹³⁶.

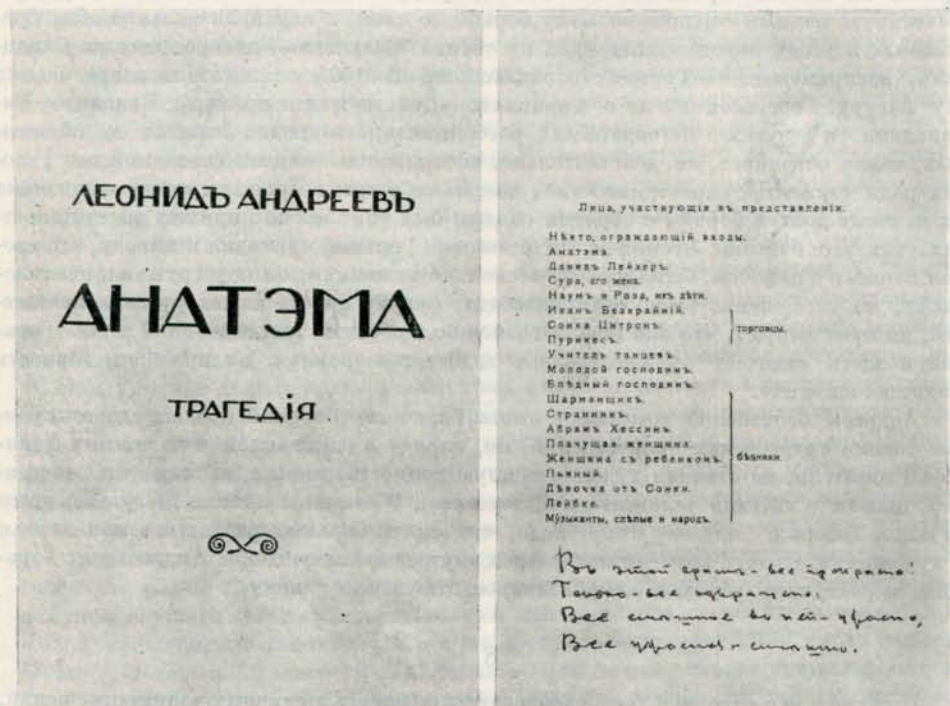
Был ли справедлив беспощадный, по сути дела, приговор Горького? Роман на «современную тему» не оправдал надежд, возлагаемых читателями на такого крупного художника, как Андреев. Он не дал глубокого раскрытия сущности изображаемого социального протеста и не показал правдиво силы «черноземной России», хотя это входило в его творческую задачу. Широкий замысел эпопеи оказался чрезвычайно суженным. Не был художественно-убедительным и процесс превращения потенциального героя в авантюриста. Из плана социального роман был перенесен в план излюбленной автором моральной трактовки вопроса об искоренении зла жизни.

Но при вынесении приговора «Сашке Жегулеву» Горький не учитывал обстоятельств, все же говоривших в пользу автора. Для Горького роман еще одно из доказательств неверного восприятия Андреевым современной социальной борьбы, превращение одного из ее драматических эпизодов в отвлеченную моральную категорию. В «Сашке Жегулеве» он не без основания увидел отражение идей Достоевского, взятых в те годы на вооружение реакцией.

Однако в художественном развитии Андреева «Сашка Жегулев» занимает особое место. Закончив работу, Андреев писал брату: «Весьма порадовал меня роман: прочтешь и увидишь, что я выпрыгнул за свои рамки, прикупил земли и погуливаю сызнова. И так приятно было работать в новом воздухе, дышать Россией, шататься по шоссе, плутать в лесу и жечь усадьбы. Два месяца жил я, как во сне, еле-еле взирал на реальность и отпихивался от нее, а явь был роман — пречудесно!»¹³⁷ В этом романе, несмотря на явную авторскую симпатию к основному герою, впервые говорится о бесплодности анархического бунтарства. Нельзя к тому же забывать, что роман писался в годы, когда часть писателей все еще продолжала выступать с изображением морального разложения революционной молодежи. «Сашка Жегулев», в котором делалась попытка вернуться к современной общественной теме, несомненно, свидетельствовал об изменении

Андреевым позиции, занимаемой в годы реакции. Увлеченный спором с буржуазными литераторами Горький не счел нужным отметить это.

Позднее Горький включил «Сашку Жегулева» в число произведений, рекомендуемых вниманию зарубежных читателей. В предисловии к роману Горький дал яркую характеристику творчества одного из своеобразнейших русских писателей начала XX века.

НАДПИСЬ ГОРЬКОГО НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ ТРАГЕДИИ АНДРЕЕВА «АНАТЭМА»
(СПб., «ШИПОВНИКЪ», 1909):

«В этой драме — все прекрасно!
Только — все извращено.
Все смешное в ней — ужасно,
Все ужасное — смешно».

Горький перефразирует экспромт А. Н. Плещеева (?), сказанный об игре актера В. В. Чарского:
«Все в игре его прекрасно...»

Титульный лист и страница книги

Личная библиотека Горького

Не соглашаясь с андреевским выбором темы и ее трактовкой, Горький-критик отрицал жизненную правдивость романа и его героя. В 1925 г. он подошел к оценке этого произведения уже как историк литературы. Отклик Андреева на мало-освещенные в литературе события русской жизни был признан им значительным. Вот что писал Горький по этому поводу: «Революция тех лет настроила романтически и героически сотни юношей, но революция была уже подавлена, а возбужденное ею в юных сердцах стремление к борьбе, к героическому подвигу осталось у многих неудовлетворенным, и случаи, когда искренний героизм вырождался в авантюризм и бандитизм, были очень часты».

В неприятии романа «Сашка Жегулев» немаловажную роль сыграл давний творческий спор о праве переосмысления реальных явлений жизни. Воспоминания «Леонид Андреев» широко раскрывают основы этого спора. Для Горького, убежденного в том, что художник не в праве произвольно искажать реальные перспективы развития

жизни и характеры людей, было неприемлемо своеобразное восприятие Андреевым прототипа пьесы «Савва» — Уфимцева; писатель неоднократно выступал также против искажения действительности в рассказе «Тьма».

В своих частых спорах с Андреевым Горький хотел привлечь внимание друга к светлым, хотя порою еще не слишком распространенным явлениям жизни и достойному освещению их в литературе. Первый и единственный роман Андреева был воспринят им не как стремление писателя доброжелательно осветить бесплодную, но вызванную честным сердцем попытку борьбы со злом, а как произвольное облагораживание в угоду определенных идей прототипа Жегулева — экспроприатора Савицкого, воспринимаемого Горьким отрицательно. В 1925 г. писатель иначе оценил эту фигуру. Теперь он писал о Савицком: «Действуя по примеру Ринальдо Ринальдини и других легендарных разбойников, защищая слабых и обиженных, карая обидчиков, он, действительно, восстановил в памяти сказочный тип „злодея ради торжества справедливости“, создал себе среди крестьян славу защитника их и, после долгой борьбы с отрядом солдат, был убит именно при тех обстоятельствах, как это описано Леонидом Андреевым». Горький приходил к выводу, что «роман написан с пафосом, быть может, несколько излишним, он перегружен „психологией“, но совершенно точно воспроизводит фигуру одного из тех русских мечтателей, которые веруют, что зло жизни возможно победить той же силой зла». Горький и здесь отмечает художественные недостатки романа, но признает зоркость Андреева-писателя.

Андреев болезненно воспринял отзыв Горького. Горький и ранее давал суровые оценки андреевских произведений, но, наряду с отрицанием чуждой ему философии писателя, он отмечал художественную ценность многих из них (см., например, отзывы о «Жизни человека» и «Елеазаре»). В отзыве о «Сашке Жегулеве» этого не было. Теперь и Андрееву стало ясно, что он и Горький разошлись как друзья и художники. С этого времени начинается внутреннее отчуждение Андреева от Горького, переходящее порою в неприязненное отношение к нему.

8

Горький умел отделять свои идеологические споры от личных взаимоотношений. Протест против постановки «Бесов» Достоевского в Московском Художественном театре в 1913 г. («О „карамазовщине“», «Еще о „карамазовщине“») не помешал писателю доброжелательно относиться к руководителям театра — В. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому. Горький активно боролся с социальным пессимизмом Андреева, но продолжал с неослабевающим интересом следить за его творчеством. От этого автора он все еще ожидал больших волнующих произведений. «Разногласия умозрений не должны бы влиять на симпатии; я никогда не давал теориям и мнениям решающей роли в моих отношениях к людям», — писал Горький («Леонид Андреев»). Разногласия не помешали ему дружески встретить Андреева после возвращения в Россию.

Андреев не обладал подобным качеством. Он держится настороженно, в дружеском общении ему чудится неискренность, ведь они с Горьким и сейчас противники.

Статьи Горького, направленные против проповеди идей Достоевского, понижающих социальную активность людей, были встречены бурей негодования. Андреев не присоединился к протестующим откликам писателей и критиков в печати, но газетчики тотчас же известили, что в беседах с ними он также осудил стремление Горького пресечь пропаганду идей Достоевского со сцены передового театра.

В письмах 1911—1912 гг. Андреев обвинял Горького в прямолинейности суждений о своем творчестве и жизни. Это было вызвано резким обострением личных отношений. Теперь Андреев обобщает свои упреки, приписывая Горькому стремление к «всесветному учительству» и догматизм суждений о современных литераторах. Во многих горьковских выступлениях против доказательств «бессмысленности человеческого бытия» и «неизлечимой порочности природы человека»¹³⁸ Андреев ищет намеков на свою творческую деятельность и, находя их, все более ожесточается.

Ему кажется, что Горький, живя на Капри, оторвался от русской действительности и не видит перемен, происшедших в ней после революции 1905 г.

Горькому-художнику действительно недоставало России, ему нужен был ее воздух, повседневное ощущение ее радостей и печалей. Замысел романа «Сын» не был осуществлен, по собственному признанию писателя, в силу оторванности от реальной обстановки 1906—1913 годов. Но понадобилось немного времени, чтобы Горький увидел то новое, что возникло в русской жизни. Спустя полгода после возвращения на родину он писал Амфитеатрову: «А что выросло за эти восемь лет и что неузнаваемо изменилось, так это — демократия. Вы и представить себе не можете, как интересны и серьезны стали простые люди на Руси!»¹³⁹ Горький знал об этом росте и ранее, о нем говорила рабочая печать, посетители Капри, многочисленные корреспонденты писателя, но все это художнику надо было увидеть самому.

Андреев, гордившийся своим знанием России, был далек от этих «простых людей». В эти годы круг его наблюдений еще более сузился, жизнь все более начала замыкаться рамками литературного быта, профессиональных встреч и бесед. Это не могло не сказаться на творчестве, оно все менее отражает дыхание времени.

Горький в России сразу же оказался в центре литературной жизни. Он становится во главе издательства «Парус», развернувшего большую работу по изданию русской и национальных литератур, ищет денег для издания газеты или же общественно-литературного журнала, проектирует организацию театра трагедии.

Эта кипучая деятельность и восхищает Андреева («большая фигура») и возмущает в то же время. Непримириемость Горького к пропаганде враждебных ему идей и успех выступлений писателя в защиту своих литературных принципов вызывает у Андреева недоброжелательное беспокойство. Порицая Горького, Андреев вместе с тем боится снова оказаться под его влиянием. Немногочисленные встречи вновь отдают его во власть личного обаяния Горького. Андреев противится этому; в горьковских попытках оздоровить литературу ему чудилось покушение на «свободу» писательского «я». «Любя литературу, как нечто отвлеченно-прекрасное и безгрешное, Горький не сумел внушить своей аудитории и своим последователям любви к литераторам, — к живой, грешной, как все живое, и все же прекрасной литературе, — писал Андреев в статье «„Летопись“ и мемуары Шалапина». — Всю жизнь, смотря одним глазом (хотя бы и попеременно, но никогда двумя сразу), Горький кончил тем, что установил одноглазие как догмат».

В 1907 г. Андреев приветствовал Горького как зачинателя новой литературы, сила которой в «новизне и гениальности» мироощущения и мирочувствования писателя. Теперь художественный метод Горького вызывает его раздражение. Он начинает призывать к противодействию «горьковщине». В это понятие включаются и социальный оптимизм творчества и борьба с пассивным отношением к жизни, и литературно-организаторская работа, связанная с этой борьбой. Андреева раздражает не только Горький, но и Вересаев, который теперь также кажется ему чужим человеком.

К участникам «Среды», не изменившим реализму, Андреев всегда относился снисходительно, называя их бытовиками. После неприятия «Сашки Жегулева» Горький причисляется Андреевым к защитникам «устаревшего» реализма, не умеющим объективно судить о литературных исканиях других авторов. В 1913 г. Андреев пишет Амфитеатрову, высказавшему нелестное мнение об «Анатэме»¹⁴⁰: «Ваш догматический реализм, обязательный для всех времен, племен и народов, я считаю началом враждебным не только себе, но и самой вечно развивающейся, творящей форме, как и сути свободной жизни. И может быть, в этом ошибка ваша, Горького и других, что в момент *переворужения* всех художественных и умственных сил вы во что бы то ни стало стремитесь сохранить старые ружья и добрый, старый, дымный порох, который когда-то был так хорош!»¹⁴¹

Автор «Сашки Жегулева», настойчиво подчеркивавший ранее свою «близость» к литературным задачам, выдвинутому писателем-революционером, начинает противопоставлять свое творчество горьковскому. В начале века Андреев одним из первых, и притом восторженно, заговорил о горьковских пьесах как новом типе социальной

драмы, теперь же «горьковско-вересаевский» оптимизм раздражает его. Социальной драме Горького («Поставил Горький указующий перст — держи к бодрости!!!») драматург противопоставляет свои последние пьесы («Анфиса», «Екатерина Ивановна») с указующим перстом «держи к психизму!», иными словами к изображению изломанной человеческой психики. 17 ноября 1913 г. Андреев предлагает Немировичу-Данченко избрать второй путь. 17 января 1915 г. он вновь пишет ему же, что «горьковщине уступать не надо».

В 1913 г., видимо, в связи с появлением циклов «Сказки об Италии» и «По Руси», Андреев писал Амфитеатрову что Горький принизил свой огромный талант ради романтического «псевдореализма»¹⁴².

В годы войны Андреев ищет общения с более созвучными ему людьми. «Жду вас и А. Н. <Чеботаревскую.—К. М.> с нетерпением; за этот год вы стали самыми близкими людьми»,—признается Андреев в письме к Сологубу 1915 г.¹⁴³ Творчество этого писателя воспринимается им по-новому, принижение личности человека выдается за великое открытие. Не прекращающаяся на протяжении пятнадцатилетия дискуссия с Горьким об отношении к человеку (вспомним спор о рассказе «Из глубины веков») разрешается теперь отрицанием горьковских суждений по этому вопросу. Андреев пишет автору «Мелкого беса»: «Прочел недавно Передонова — с очарованием и страхом. И странно: в этот раз выделилось другое — его тоска. Какая тоска! И ведь он герой, он велик, он душа великого, запертая в теле скота, он один среди всего пейзажа — человек. Ардашон Борисыч — человек! А это так. И что „сон Макара“, слезинка ребенка и прочее — вот с *этим* доказательством можно идти к богу без доклада и требовать немедленного суда и воскресения»¹⁴⁴.

Излюбленные Андреевым поиски парадоксальных решений поставленных вопросов находят отголосок и здесь: мира нельзя принять не потому, что он переполнен страданием невинных и чистых, о чем говорила предшествующая русская литература, а потому, что человек стал скотом.

Сложные взаимоотношения с Горьким усугублялись диаметрально противоположными политическими взглядами: Горький приложил немало усилий для разоблачения причин первой мировой войны и осуждения ее виновников¹⁴⁵, Андреев же, поддавшись шовинистическому угару, охватившему значительные круги русского общества, стал одним из бардов войны. Он считает необходимым прекратить на время во имя победы борьбу с царским правительством. Реакция олицетворена для него теперь в образе Германии, ее военный разгром мыслится как разгром «всей европейской реакции» и начало «цикла европейских революций»¹⁴⁶. Андрееву кажется, что он занимает особую позицию в вопросе о войне, на самом же деле она смыкается с позицией других ее защитников. «Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники», — метко скажет Горький¹⁴⁷. Деятельность Горького возмущает Андреева, письма писателя пестрят выпадами против него. «Многие ничего не понимают, смешивают эту войну с японской. Максимыч крайне возмутителен», — пишет Андреев брату¹⁴⁸. Пораженческая позиция Горького связывается с позицией большевиков. «Вы читали в „Современном“ о заграничных „пораженцах“, Ленине и других? — спрашивает Андреев Сологуба и добавляет: — „Наш дорогой“ тоже, по-видимому, пораженец, этим объясняется его бодрая психология»¹⁴⁹. Вскоре Андреев выступит с призывом воспеть войну («Пусть не молчат поэты»)¹⁵⁰. Горький начал борьбу с подобной литературой. Воинствующие выступления писателей, в том числе Андреева, Сологуба и Куприна, встретили отпор в его статье «Несвоевременное» (1914)¹⁵¹.

Андреев осудил Горького и возглавляемый им журнал «Летопись», который, несмотря на путаницу взглядов, вносимую пестрым составом сотрудников, был единственным общественно-литературным ежемесячником, направленным против оправдания развязанной войны. Имя Горького продолжало служить знаменем демократической литературы, к словам писателя прислушивались многие. Антивоенная направленность «Летописи» была ясна и правительственным органам¹⁵², и зарубежным журналистам, следившим за русской печатью¹⁵³, и широким кругам читателей. С. Шаумян писал, что «Летопись» «справедливо считается самым серьезным и последовательным демократическим журналом. Можно сказать, что единственно только она оста-

лась верна высшим принципам международной демократии¹⁵⁴. Буржуазная пресса подвергала «Летопись» систематической травле.

В первом номере «Летописи» (декабрь 1915 г.) появилась статья «Две души», в которой Горький дал несправедливую, резкую оценку русского народа. В статье ставился вопрос об активном и пассивном отношении к жизни, который освещался и в ранее опубликованных критических выступлениях писателя, но теперь он получил ошибочную трактовку. Русский человек, по утверждению Горького, весьма прихотливо сочетал оба отношения к жизни, «две души». Данное утверждение писателя, вступавшее в явное противоречие с предшествующими высокими оценками жизнестойкости народа, совершившего революцию в 1905 г., и заявлением, что революционная Россия разбудит весь мир, было однако продиктовано желанием пробудить общественную активность читателя. Горький видел, что молодежь «хотят отравить и обессилить, привив ей идеи пассивного отношения к действительности»¹⁵⁵, и поэтому всемерно стремился содействовать укреплению веры молодой демократии в свои силы, в необходимость революционного преобразования страны.

Статья вызвала ожесточенные нападки на Горького многих писателей и публицистов, среди них был и Андреев. Он был раздражен не только статьей Горького. Первый номер журнала «Летопись» открывался стихотворением Бунина «Слово», в котором были строки:

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Это был ответ журнала на андреевский призыв «Пусть не молчат поэты».

В гнев Андреева, выступившего против безусловно ошибочных положений статьи «Две души», отразилась не столько любовь к русскому народу, сколько неприятие горьковского отношения к войне. В этом он оказался близок критикам, выступления которых в защиту русского человека, «оскорбленного» Горьким, совпадали в желании сокрушить прежде всего Горького-антимилитариста, редактора «Летописи».

Лишь немногие литераторы правильно поняли намерение Горького-публициста. Разъясняя, чем вызваны некоторые резкие оценки («не самооплевание это, а порыв скальпелем данного ему дара вскрыть нарыв любимой Родины»), В. Я. Шишков писал по поводу его критиков: «Похоже на то, что как будто Горького подкарауливали, а как прорвался — гурьбой набросились, словно на цыгана мужики»¹⁵⁶.

На собрании сочинений, подаренном Горькому в 1915 г., Андреев сделал надпись: «Начиная с курьерского „Баргамота“, здесь все писалось и прошло на твоих глазах, Алексей: во многом — это история наших отношений...» (см. репродукцию ниже, стр. 51). Эта история нашла отклик и в статье «О „Двух душах“ М. Горького».

Андреев не забыл выпада против себя в не увидевшей свет, но известной ему статье «Несвоевременное». В ней писатель обвинялся в презрении к целой нации, выраженном в «Письмах о войне». В статье «О „Двух душах“ М. Горького» Андреев возвращал этот упрек в выражениях, близких к горьковским. Не раз справедливо обвиняемый Горьким в пессимизме и нежелании отражать в своем творчестве положительные явления жизни, Андреев теперь выступает в роли обвинителя. Писатель, «карающий нашу пассивность и уныние», сам является пессимистом — таков итог андреевской статьи¹⁵⁷. Не вступая в полемику по вопросам, затронутым в «Двух душах», Горький в «Письмах к читателю» все же осветил свою позицию. Напомнив о нелестных порою отзывах писателей XIX столетия о Руси, Горький писал: «Все эти возгласы тоски, гнева вызваны, несомненно, заботою о родине, любовью к ней»¹⁵⁸. В своей статье Горький ответил и на упрек в пессимизме. Он писал: «Меня — скажу прямо — возмущает маниловский оптимизм неожиданных „патриотов“, которые еще вчера были яростными нигилистами

и, принося всякую дисциплину, всякую организацию в жертву произволу человека „из подполья“, сеяли в мозгах русской молодежи болезненный „мистический анархизм“, отвлекая ее от решения проблем общественного реального бытия»¹⁵⁹. В годы войны Горький, несомненно, был подвержен воздействию мрачных наблюдений над жизнью, он сетовал на свое одиночество, единомышленников среди литераторов было немного. Однако уверенность в том, что «одолеем наше»¹⁶⁰, что надо во что бы то ни стало продолжать начатую борьбу во имя социального раскрепощения человека, никогда не покидала писателя. В противовес критиковавшим статью «Две души» Горький утверждал, что следует обратить основное внимание не на военных противников, а на внутренних врагов. «Каждый человек ответственен за те мерзости, которые творятся в его доме, его городе, его стране», — писал Горький, призывая «сделать некое усилие воли, дабы встать на ноги и дружно взяться за дело самозащиты от врагов, ближайших к нам»¹⁶¹. Это был призыв к усилению революционных настроений и действий, необходимость которых Андреев отвергал в данный момент. Судя по письмам 1916 г., революционные настроения, нарастающие в массах, были не чужды и ему, но как публицист и писатель он не захотел сделать соответствующих выводов из своих наблюдений.

В апреле 1912 г. Андреев писал Горькому: «...каждый из нас представляет собой известную общественную силу, <...> наша дружба или вражда выходит за пределы личного нашего удовольствия или огорчения» (№ 167). Горький в годы войны продолжал выступать как представитель демократической литературы, Андреев же связал свою судьбу с литературой буржуазной.

Эти годы стали для Андреева годами переоценки не только горьковского, но и своего творчества; пафос неприятия коснулся и его. Андреев все чаще говорит о том, что собственные выступления не удовлетворяют его, не кажутся отвечающими новым требованиям искусства, что гнев обличения в них приглушен. Горестно звучит его письмо к Немировичу-Данченко: «Но воздух? — в нем носятся частицы отрицания Андреева: вдыхая, вы каждый раз вдыхаете „не“. Самые большие друзья мои, самые близкие люди не могут от этого уйти; я сам отравлен <...> Временами я с большой серьезностью думаю, что я просто — не нужен...»¹⁶².

Не желая признать, что отрицание это обусловлено потерей связи с передовым лагерем литературы, Андреев пытается уверить себя, что дело в увлечении общества устаревшими формами реализма, в давлении горьковского авторитета.

В 1916 г. Андреев возглавил литературно-театральный отдел новой газеты «Русская воля», субсидируемой банками¹⁶³. Толки о «нечистом» характере возникновения нового органа быстро проникли в печать. Одни писатели ответили на предложение Андреева сотрудничать в «Русской воле» отказом, другие, подобно А. Н. Толстому, давшему предварительное согласие, фактически уклонились от работы в газете. Более искушенные в политике писатели не советовали Андрееву связывать себя с газетой. Чириков писал ему: «...лучше не сяду я на этот американский корабль! Погляжу-ка я издали, как будет свершать рейсы свои этот Ноев ковчег, где семь пар чистых и семь пар нечистых. Думаю, что, помимо всяких сомнений, этого требует тактика моего поведения как не только беллетриста, а публициста с определенным лицом <...> А тебе, милый, все-таки тоже советую <...> Хотя билет у тебя куплен в 1-м классе, но носи ты всегда спасительный пояс, ступив на борт корабля!.. Столько мин плавают вокруг этого корабля...»¹⁶⁴.

Об общественном недоверии к газете свидетельствовал и отказ от сотрудничества В. Г. Сахновского, который не только согласился участвовать в газете, но и написал для нее две статьи. Изменить решение критика заставило резко отрицательное отношение прогрессивных кругов интеллигенции к «Русской воле». Он писал Андрееву 4 декабря 1916 г.: «...я не могу работать в „Русской воле“. Сейчас не могу. Я так устал от той атмосферы, которая сгустилась у нас в Москве и особенно в профессорской Университета имени А. Л. Шаняевского, на Высших женских курсах и в совете Городского университета в Нижнем-Новгороде вокруг этой газеты, что больше ничего не могу делать». Сахновский сообщал, что Андреев для него «тот писатель, который открывает самое значительное и сокровенное в жизни. Быть с вами и писать

в одном органе было бы осуществлением моей мечты, но в „Русской воле“ сейчас я писать не могу (...) все внутреннее мое голосит против моей работы в „Русской воле“»¹⁶⁵. Андреев не внял этим советам и предостережениям. В его стремлении стать редактором отделов литературы, критики и театра в «Русской воле» большую, даже

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

[illegible]

l.d.

1985

С ПЕТЕРБУРГЪ. ИЗДАНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ. 1913.

Приложение къ журналу „Нива“ на 1913 г.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АНДРЕЕВА ГОРЬКОМУ НА ПЕРВОМ ТОМЕ «ПОЛНОГО
СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ» (СПБ., 1913)

«Начиная с курьерского „Баргамота“, здесь все писалось и прошло на твоих глазах, Алексей: во многом — это история наших отношений. Мне здесь многое противно, и доволен я очень мало, как цена всей жизни — это пустыня. Пожалуй, это даже не литература. Но все печальное, что здесь сказано о жизни человеческой, пережито мною, и, конечно, я счастлив, что удалось сказать, а не в молчании исчезнуть. И, конечно, я всегда был искренен. Но какие мы старые товарищи! Крепко жму твою руку. **Л. А. 1915»**

Личная библиотека Горького

решающую роль играло желание противопоставить свою общественно-литературную позицию позиции горьковской. Уйдя из лагеря революционной демократии, он стал воспринимать Горького в годы войны как литературно-враждебную силу.

Сплотить вокруг газеты, в связи с ее общественно-политической позицией, значительные писательские силы не удалось. мечты занять в современной литературе

ведущее положение в качестве ее идеолога («вливая на общее положение дела, я имею в газете как бы свой собственный журнал по вопросам, наиболее мне близким и важным»¹⁶⁶, — сообщал Андреев брату) не сбылись. Газета не приобрела влияния в литературных кругах. Не удалось и противостояние «горьковщине». Поясняя Сахновскому, какие темы следует осветить в критических статьях для «Русской воли», Андреев писал: «...тут и кризис символизма, возрождение (сборники „Слова“¹⁶⁷ и Горький) кургузого и одноглазого реализма, честного и морализующего как финн-кондуктор в скором поезде (<...> все ущемлены реализмом». И это было сказано после появления «Детства», которое поразило не только рядовых читателей, но и искушенных писателей (Блока, А. Ширванзаде и др.) силой реализма, яркостью воссозданных типов, верой в победу новой жизни. Однако оптимизм повести прежде всего и вызывал раздражение у Андреева.

Андреев предполагал организовать в газете выступления и против Горького-писателя и против горьковского направления в литературе. Содружество «званьцев» давно распалось, но Горький вновь сплотил вокруг себя писателей-демократов, оптимистически думающих о будущем страны. Андреев оставался писателем-одиночкой. Сахновскому предлагалось написать статью о беллетристах «Летописи», выявив «ее скверно-характерные черты, и не про одну книжку, а про тип». После отказа Сахновского от сотрудничества Андреев не оставил мысли о борьбе с Горьким. Номера «Русской воли», включающие литературный отдел под редакцией Андреева, пестрят прямыми и косвенными выпадами против редактора «Летописи». В № 1 (15 декабря 1916 г.) Андреев выступает со статьей «Горе побежденным», направленной в адрес «пораженцев», в № 10 (24 декабря) публикуется статья И. Чегодаева «Неосторожные мысли», в которой сильное отражение находит мнение Андреева военных лет об «учительстве» Горького. Чегодаев писал об авторе «Детства»: «Почти невозможно представить себе этого художника с его огромным дарованием — без жезла, без посоха учительского, иногда просто без дубинки». В следующем году Андреев вновь выступил в первом номере со статьей («Перед задачами времени»), в которой давалась резкая оценка почти «кастового» реализма, в № 8 и 15 делались уже прямые выпады против Горького — редактора «Летописи».

Но сокрушить горьковские тенденции в литературе было уже невозможно. Молодые писатели, тяготеющие к Горькому как открывателю новых путей, вскоре приняли самое активное участие в создании новой, послеоктябрьской литературы.

«Съест его газета», — сокрушенно писал об Андрееве Горький¹⁶⁸. Это оказалось справедливым. Сотрудничество в «Русской воле» — свидетельство духовного краха Андреева и падения его творческой деятельности. Публицистические выступления оттолкнули от писателя многих читателей, интерес к его новым творениям значительно слабее.

Личные встречи Андреева и Горького становятся все более редкими и холодными. «И писать о нем не могу без раздражения, строго воспрещенного докторами», — сообщал Андреев И. С. Шмелеву (АГ).

Великая Октябрьская революция не была понята и принята Андреевым. В то время как Горький сразу же включился в культурное строительство новой, социалистической России, Андреев устранился от участия в этом строительстве, что привело его к духовному тупику. Но и в это время Андреев с большой любовью и болью говорил о русском народе и литературе, которая показала его «ум, и талант, и совесть»¹⁶⁹, хотя революционные завоевания народа-творца для него остались чуждыми.

Леонид Андреев — до конца своих дней Горький не мог равнодушно произносить это имя. В своих воспоминаниях и беседах с советскими писателями он говорил о нем как единственном друге среди литераторов. Чем же вызвано это признание? Ведь сам Горький в воспоминаниях «Леонид Андреев» настойчиво подчеркивает различие их видения мира, несхожесть их творческих индивидуальностей.

Горький знал многих литераторов, его архив хранит множество волнующих писем, интерес писателя к многообразному выявлению художественного познания мира был поистине неиссякаем. Было немало интереснейших литературных связей, бесед и встреч, но они не изобиловали тем, чем была так богата дружба с Андреевым.

Как можно было забыть о спорах, которые помогали самоопределению литературно-общественных позиций обоих писателей, ведь в начале 900-х годов и для Горького и для Андреева еще многое было неясно. Как можно было забыть о человеке, общение с которым возбуждало творческую мысль, порождая новые творческие замыслы. На родственные темы в одно и то же время были написаны «Дети солнца» и «К звездам», «Жизнь ненужного человека» и «Иуда Искариот». «Дети солнца», как неопровержимо свидетельствует об этом публикуемая переписка, были «подсказаны» андреевским замыслом пьесы об астрономе, но Горький не остался в долгу. Отвергнув первую редакцию «К звездам», он в свою очередь «подсказал» автору, в каком направлении следует вести переработку пьесы. Горький, создатель «Фальшивой монеты» и «Старика», не прошел мимо опыта Андреева-драматурга, тот в свою очередь немало был обязан другу усилением общественных нот в своем раннем творчестве.

Радости и горести творческих соприкосновений были незабываемы. Кого из сверстников в этом плане Горький мог поставить в один ряд с Андреевым?

При выяснении путей развития современной реалистической литературы критика неизменно обращалась к творчеству Горького и Андреева. Дооктябрьская литература о каждом из них огромна. Не было ни одного литературно-общественного журнала или же газеты, которые не следили бы пристально за работой этих авторов; вокруг новых произведений писателей нередко возникали бурные критические схватки. И у Горького и у Андреева были свои неутомимые защитники и противники.

Марксистская критика сразу же заговорила о Горьком и Андрееве как крупнейших современных талантах, но талантах-антиподах. Творчество Горького было проникнуто революционным оптимизмом, творчество Андреева отражало отчаяние пессимиста, который ненавидит современный строй и порожденную им культуру, но в то же время не верит в обновление жизни.

Несмотря на отдельные ошибочные выступления («Исповедь»), Горький воспринимался не только марксистами, но и буржуазными критиками, как литератор, для которого писать значило сражаться на стороне пролетариата. Сложнее было дело с выяснением вопроса, выразителем чьих интересов является столь противоречивый художник, как Леонид Андреев. Идейные метания писателя, который не мог быть равнодушным к судьбам своего народа и в то же время стремился остаться в стороне от классовых битв, избрав свой особый, «нейтральный» путь, порою приближали его к лагерю буржуазной литературы. Рассказы и пьесы, несущие в себе «заряд бунта», начали в годы реакции соседствовать с произведениями, лишенными его («Мои записки» и др.). Хотя печать широко оповещала о новых замыслах Андреева (вопреки советам близких лиц, писатель обычно знакомил журналистов с содержанием своих будущих произведений), ни одна из критических группировок не могла сказать заранее, чьи идеологические позиции будет укреплять это произведение.

К концу 900-х годов в марксистской критике выявилось две точки зрения. Луначарский, останавливаясь на положительных и отрицательных сторонах творчества Андреева, приходил к выводу, что писатель является типичным выразителем идеологии мелкобуржуазной обывательской интеллигенции. Эту же точку зрения Луначарский развил и в статьях об Андрееве, написанных после Октября. Писатель рассматривается в них как бард мещанской интеллигенции, придавший ее мелким печальям и горестям грандиозные размеры. Так, в 1932 г. Луначарский писал: «Мало сказать, что Андреев был рупором мелкой буржуазии. Мелкая буржуазия бывает разная. Андреев был рупором провинциальной обывательщины, бюрократической мелкоты и близких к ним прослоек»¹⁷⁰. В свете подобных утверждений критик характеризовал в своих статьях и художественную манеру автора.

Данная оценка, однако, не убеждает. Мятёжность, свойственная многим произведениям Андреева, плохо согласуется с психологией обывателя. В начале века этот обыватель безусловно претерпел сдвиги в своем мышлении, а в связи с событиями 1905 г. даже сделал попытку «приобщиться» к революции. Об этом «историческом» изменении обывателя хорошо сказано в статье Горького «По поводу московских событий», которую Ленин привлек в 1917 г. в числе источников при подготовке к докладу о революции 1905 года¹⁷¹. Однако эта «революционность» быстро пошла на убыль, обыватель не нуждался в напоминании о своем невольном бунтарстве. Как «Анатэма», так и «Любовь к ближнему» не соответствовали выражению его чувствований и дум.

Критические выступления Луначарского, несмотря на обилие тонких наблюдений, не раскрывают причин огромного успеха андреевского творчества у передовой интеллигенции. В воспоминаниях, посвященных взаимоотношениям Горького и Андреева, В. А. Десницкий писал, что в канун 1905 г. «в восприятии радикальной интеллигенции Л. Андреев был одним из самых ярких светил в плеяде „Знания“, его имя ставили рядом с именем М. Горького; горячо спорили, кто из них талантливее, кто больше дает литературе нового»¹⁷². Это воспоминание перекликается со свидетельством Воровского, который писал в 1908 г., что общечеловеческое содержание творчества в соединении с ярким индивидуальным стилем позволяет Андрееву «так волновать сердца читателей, — так волновать, что, даже не соглашаясь с ним, борясь с ним, не можешь не жить его мыслями, его чувствами»¹⁷³. Интерес к Андрееву в прогрессивных кругах не исчез и в дальнейшем. Об этом говорят высказывания Кирова, с большим вниманием следившего за произведениями, отображающими «мятежную душу»¹⁷⁴ писателя, и большевика Я. Э. Янсона¹⁷⁵, который дал очень высокую оценку таланта Андреева. Да и сам Луначарский, посвятивший Андрееву немало статей и отдельных высказываний¹⁷⁶, не отрицал исключительного интереса критиков-марксистов к этому писателю.

Исторически справедливую оценку общественной позиции Андреева дал Воровский, стремившийся выявить в своих статьях сложность развития современной литературы. Он причислял Андреева к художественным идеологам той части оппозиционной демократической интеллигенции, которая еще недавно (в 1890—1900-х годах) являлась в какой-то мере определяющей общественные настроения. Не пожелав открыто примкнуть ни к господствующему, ни к противостоящему ему классу, эта интеллигенция оказалась в эпоху первой русской революции и в годы реакции в трагическом положении. Проследившая за эволюцией творчества Андреева, Воровский приходил к выводу, что «не только общие переходы его настроений, но и отдельные моменты, отдельные вопросы, затрагиваемые им, свидетельствуют о тесной внутренней связи этой разлагающейся интеллигенции и ее поэта»¹⁷⁷. Социальный дальтонизм этой интеллигенции, все еще пытавшейся доказать свою внеклассовость, был присущ и Андрееву.

В предисловии к «Сашке Жегулеву» Горький отметил, что писатель, начавший с реалистических бытовых рассказов, «быстро обратился к замысловатым изображениям мятежей внутри человека», нередко награждая при этом своих героев философией немецких пессимистов. Горький напоминал о том, что «русская литература, являясь чрезвычайно точным зеркалом действительности, не отмечала среди своих героев людей, которые страдали бы этой философской болезнью».

Русская литература XIX века действительно не отметила этого явления. Но жизнь не стояла на месте, часть русской интеллигенции конца XIX — начала XX века несомненно оказалась плененной философией пессимизма. Замысловатые андреевские воспроизведения психологии героев отражали до некоторой степени «затейливую игру чувств и мыслей» этой интеллигенции.

В некоторых исследованиях последнего времени можно найти намеки на усиление критического отношения Горького к творчеству Андреева в 1930-е годы¹⁷⁸. В романе «Жизнь Клима Самгина», показывающем развитие общественно-философской и эстетической мысли России за сорок лет, Андрееву действительно уделено большое внимание. Однако задача автора состояла не в воспроизведении творческого портрета

Андреева, а в раскрытии идейно-художественной эволюции части русских писателей (среди которых Андреев был наиболее яркой фигурой) после поражения революции 1905 года. Оценка, даваемая Андрееву в «Жизни Клима Самгина», в целом не вступает в противоречие с общей оценкой андреевского наследия в воспоминаниях «Леонид Андреев».

Клим Самгин, считавший, что Андрееву удалось отчетливо сформулировать мысли, возникавшие у самого Самгина, тем не менее относится к этому писателю настороженно. Его произведения вызывают у горьковского героя ощущение тревоги, испуга, он улавливает в них скрытую иронию. Отзывам Самгина, не видящего различия между ранним и поздним творчеством Андреева, в романе противостоят высказывания других персонажей. Марина Зотова, бывшая ученица большевика Кутузова, говорит об Андрееве как о небывалом по смелости художнике, который, чувствуя, что старый мир «надобно разрушить, начиная с его основ, традиций, догматов, норм» (XXI, 312), стремится сказать в каждом из своих новых произведений еще одно «нет» этому миру. Характерен и отзыв Тоси, вскоре ушедшей к сторонникам Кутузова. Признаваясь в своей нелюбви к андреевскому творчеству, она вместе с тем упоминает это имя наряду с именем Горького, который «тоже очень кричит». Таким образом, читательница-демократка также относит Андреева к числу писателей, стремящихся разрушить старый мир.

Разоблачая проповедников индивидуализма и пессимизма, Горький, как справедливо отметила критика¹⁷⁹, не отождествлял полностью сложный творческий образ Андреева с «андреевщиной», получившей широкое распространение в литературе 1907—1916 гг. Но вместе с тем не следует односторонне показывать освещение андреевского творчества в романе, оставив внимание лишь на отрицательных оценках. Приведенные выше примеры говорят об ином. Весьма характерен также следующий эпизод: вспоминая о современных воспевателях Иуды (А. Рославлев, Н. Голованов и др.), Самгин воскрешает в своей памяти также имя Андреева, но другой персонаж (Марина Зотова) как бы отъединяет писателя от названных выше литераторов. «Иуда Искарот» назван ею «шуточкой острой», которая содержит намек на современных предателей (XXI, 310).

Сцена, воспроизводящая вечер на квартире у Андреева в годы мировой войны, не оставляет сомнения в отходе писателя от демократических традиций русской литературы. Но и в этой сцене, несмотря на всю ее «язвительность», Горький считает необходимым напомнить о неугасшей ненависти Андреева к миру мещан. В ответ на выступление Самгина, обвинявшего литераторов, в том числе и Горького, в несправедливом, карикатурном изображении мелких собственников уездных городков (Самгин выступает в роли их защитника), Андреев «неожиданно и очень сердито» говорит. «Там живут Тухи, дикие рожи, кошмарные подобию людей... Не уговаривайте меня идти на службу к ним — не пойду!» (XXII, 505).

Необходимо отметить также, что, реализуя в художественном плане многие из своих более ранних суждений об Андрееве, Горький не раз напоминает в «Жизни Клима Самгина» о большой одаренности писателя.

Сопоставление творчества Горького и Андреева ярко раскрывает противоречивость развития литературы начала XX столетия. Оба писателя начали свой путь в русле реализма. Горький, став марксистом, овладел новым художественным видением мира, которое позволило ему с огромной проникновенностью запечатлеть на страницах своих книг подлинного героя истории — пролетариат, показать формирование новых черт национального характера. Призывая к активной борьбе с социальным злом, творчество писателя неустанно напоминало об огромной исторической ответственности народа, разбуженного революцией. Андреев был бунтарем-авархистом. Это наложило резкий отпечаток на все его творчество. Горький выдвигал на первый план социальные проблемы и рисовал социально обусловленные характеры, Андреев же тяготел к постановке абстрагированных морально-философских проблем, причем сфера психологического рассматривалась им как нечто самодовлеющее.

Андреева интересовали не столько реальные жизненные факты, сколько собственное отношение к ним. Своеобразное, но вместе с тем художественно-огра-

нижнее восприятие действительности скоро увело Андреева из лагеря реалистов к модернистам, где он занял ведущее место¹⁸⁰.

В то время как творчество Горького широко знакомило с жизнью русского народа предоктябрьской поры, творчество Андреева, — обладавшего зоркостью писателя-реалиста (о чем свидетельствуют не только ранние произведения), но не пожелавшего углубить этот дар, — было лишь слабым эхом многообразных социальных и моральных битв эпохи.

Поэтому в значительной мере снизилась и сила эмоционального воздействия произведений Андреева, а она-то и была наиболее привлекательной стороной его таланта.

Андреев писал в одной из своих статей: «Жизнь, которой они <художники. — К.М.> пренебрегали, жестоко мстит за себя, выбрасывая их, как ненужный балласт, за борт общественного корабля»¹⁸¹. Жизнь отомстила и Андрееву. Его творческий опыт оказался на обочине широкого пути русской литературы.

Новые поколения мастеров слова пошли за писателем, который, принимая непосредственное участие в социальном переустройстве жизни, открыл новую страницу не только в истории русской, но и мировой литературы. С именем Горького связано рождение нового метода — социалистического реализма, ставшего знаменем многонациональной советской литературы.

Метод этот рождался в страстном борении с другими литературными течениями. История дружбы Горького и Андреева рисует один из наиболее драматических эпизодов этой борьбы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Материалы о Горьком и Андрееве, которые печатаются в настоящем томе, приводятся в статье без ссылок на источники. При цитатах из писем Андреева и Горького указываются номера писем.

² См. воспоминания Горького «Леонид Андреев» (стр. 338 настоящ. тома).

³ Предисловие к «Сашке Жегулеву».

⁴ Первый том появился в марте, второй — в апреле 1898 г.

⁵ О значении для себя работы в этом журнале Андреев говорит в письмах к его редактору В. С. Микрюкову (ЛА, вып. 5, стр. 72—117).

⁶ «Русское богатство», 1901, № 11, стр. 58—75.

⁷ «Комсомольская правда», 1926, № 240, 17 октября.

⁸ Письмо к Л. В. Средину от 3 ноября 1901 г.

⁹ См. об этом в кн.: Л. А ф о н и н. Леонид Андреев. Орел, 1959, стр. 77—99.

¹⁰ Андреев писал об этом не только Горькому, но и А. А. Измайлову: «А задуманного и начатого — не перечести, 16 рассказов! 16 рассказов задумано, продумано, начато и снито по ночам как ненаписанные письма» (30—31 августа 1902 г. — «Русская литература», 1962, № 3, стр. 198).

¹¹ Письмо к Е. П. Пешковой от 27 сентября 1903 г.

¹² «Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 19.

¹³ Отзыв И. И. Горбунова-Посадова. — А. П. Ч е х о в. Собр. соч., т. VIII. М., 1947, стр. 563.

¹⁴ См., например, рецензию Н. Жегалова на книгу Л. Афонина «Леонид Андреев» («Русская литература», 1961, № 2, стр. 259).

¹⁵ «Русское богатство», 1901, № 11, стр. 61.

¹⁶ В 1901 г. Андреев писал А. А. Измайлову о «Жили-были»: «Его хвалят и читатели и критики, а я этих похвал не понимаю, и мне рассказ кажется неважным» («Русская литература», 1962, № 3, стр. 195).

¹⁷ «Русское богатство», 1901, № 11, стр. 73.

¹⁸ Рассказ не был закончен автором. Горький находил его интересным.

¹⁹ Письмо С. С. Юшкевича к Горькому от 19 октября 1922 г. — АГ.

²⁰ В. Г. К о р о л е н к о. О литературе. М., 1957, стр. 360.

²¹ «Мир божий», 1904, № 10, стр. 119.

²² Там же, стр. 121.

²³ «Искусство», 1925, № 2, стр. 266.

²⁴ Письмо к К. П. Пятницкому от 15 апреля 1904 г. — АГ.

²⁵ Письмо к Е. А. Соловьеву от 10 сентября 1904 г.

²⁶ Письмо к А. З. Безвестному. 9 июня 1931 г.

²⁷ Письмо от 21—25 марта 1904 г. — АГ.

- ²⁸ «Реквием», стр. 161.
- ²⁹ АГ.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ «Реквием», стр. 148.
- ³² Там же, стр. 157.
- ³³ «Искусство», 1925, № 2, стр. 265.
- ³⁴ «Учен. зап. Московского областного пед. ин-та им. Н. К. Крупской», 1957, т. 54, стр. 152.— Подчеркнуто мною.— *Р. М.*
- ³⁵ В. Г. Короленко. О литературе. М., 1957, стр. 371.
- ³⁶ О поправках, внесенных в рассказ в связи с замечаниями Горького,— см. в примечаниях к письму № 127.
- ³⁷ «Реквием», стр. 63—64.— Позднее Андреев писал А. В. Амфитеатрову: «Может быть, это просто недостаток силы — но я никогда не мог вполне выразить свое отношение к миру в плане реалистического письма. А вернее, это показатель того, что и внутренне, по существу моему писательски-человеческому — я не реалист» (там же, стр. 260).
- ³⁸ См., например, оценку горьковского творчества в органе болгарской социал-демократической партии «Работнически вестник», 1902, № 28, 21 марта.
- ³⁹ «Русское богатство», 1907, № 12, стр. 172.
- ⁴⁰ «Русская мысль», 1907, № 4, стр. 122—141.— Статья, написанная в связи с публикацией циклов «В Америке» и «Мои интервью», привлекла к себе внимание общественности и вызвала появление родственных откликов на творчество Горького. Однако мысли, развиваемые Д. Filosoфoвым, уже высказывались в 1905 году журналом «Весы» (см., например, отклик И. Смирнова на рассказ «Тюрьма». — «Весы», 1905, № 4, стр. 48).
- ⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.
- ⁴² См. об этом: Б. С. Мейлах. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв. 3-е изд. М., 1956, стр. 127—205.
- ⁴³ «Свобода и жизнь», 1906, № 12, 12 ноября; публикуется в сочинениях Куприна под заглавием «Искусство» (Собр. соч., т. VI. М., Гослитиздат, 1958, стр. 580).
- ⁴⁴ «Свобода и жизнь», 1906, № 12, 12 ноября.
- ⁴⁵ Там же, № 13, 19 ноября.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Речь Гарина приведена в статье П. Румянцева «Памяти Н. Г. Михайловского-Гарина». — «Новая газета», 1906, № 14, 30 ноября.
- ⁴⁸ Статья на данную тему была затем опубликована в «Вестнике жизни», 1907, № 1.
- ⁴⁹ «Вестник жизни», 1907, № 1, стр. 133 (также: А. В. Луначарский. Критические этюды. (Русская литература). Л., 1925, стр. 14).
- ⁵⁰ Сведения о Горьком как члене социал-демократической партии быстро проникли в печать. Так, например, в «L'Humanité», 1905, № 587, 12(25) ноября было опубликовано интервью с М. Н. Лядовым, который, говоря о помощи писателя социал-демократической партии, заявил: «Великий романист является очень убежденным и образованным социалистом, идеи которого проникнуты учением Маркса. В течение многих лет он принадлежит к социал-демократической партии, и преданность его нашему делу безгранична» («Летопись», I, стр. 561).
- ⁵¹ Дюоктябрьская «Правда» об искусстве и литературе. М., ГИХЛ, 1937, стр. 17.
- ⁵² «Русская мысль», 1907, № 4, стр. 127.
- ⁵³ «Весы», 1907, № 7, стр. 58.
- ⁵⁴ «Письма Леонида Андреева», стр. 18.
- ⁵⁵ Письмо к Горькому от 5 мая 1905 г. — А. И. Куприн. Собр. соч., т. III. М., Гослитиздат, 1957, стр. 570.
- ⁵⁶ Письмо от 4 декабря 1904 г. — АГ.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ «Реквием», стр. 160, 161.
- ⁵⁹ См. статью Ю. С. Пухова «Л. Андреев и Скиталец в революции 1905—1907 годов. (По документам Департамента полиции)». — В кн.: Революция 1905 года и русская литература. М. — Л., 1956, стр. 416—424.
- ⁶⁰ Воспоминания Горького «Леонид Андреев», стр. 387 настоящ. тома.
- ⁶¹ См. письма к В. В. Вересаеву (сб. «Реквием»), а также отрывки недошедшего до нас письма Андреева, приведенного в воспоминаниях Горького «Леонид Андреев».
- ⁶² Тяжелое настроение Андреева было вызвано подавлением Свеаборгского восстания.
- ⁶³ Письмо от 26 октября 1903 г.
- ⁶⁴ См. воспоминания В. П. Тройнова в настоящ. томе.
- ⁶⁵ Письмо от 3 ноября 1905 г. — АГ. — Этой датой Андреев обозначил окончание работы над пьесой. Часть рукописей хранится в ИРЛИ.
- ⁶⁶ А. Б. Рубцов. Из истории русской драматургии конца XIX — начала XX века. Минск, 1960, стр. 157. — Пьеса была запрещена к постановке.

- ⁶⁷ «Образование», 1906, № 6, стр. 40 (также: А. В. Луначарский. Критические этюды. Л., 1925, стр. 89).
- ⁶⁸ См. воспоминания Горького «Леонид Андреев», стр. 388 настоящ. тома.
- ⁶⁹ Письмо к Е. Н. Чирикову от 10 января 1907 г.
- ⁷⁰ «Л. Андреев о современных вопросах». — «Русь», 1908, № 57, 27 февраля.
- ⁷¹ Письмо к Горькому от 12—14 ноября 1904 г. в связи с просьбой Миролюбова об издании произведений Арцыбашева в «Знании».
- ⁷² А. Б. Рубцов. Из истории русской драматургии конца XIX — начала XX века, стр. 184.
- ⁷³ Ст.-Суханов <Столяров-Суханов>. Символизм и Л. Андреев как его представитель. Киев, 1903, стр. 10.
- ⁷⁴ Л. Афонин. Леонид Андреев. Орел, 1959, стр. 125.
- ⁷⁵ Вяч. Иванов. Новая повесть Л. Андреева. — «Весы», 1904, № 5, стр. 47.
- ⁷⁶ А. Белый. Л. Андреев. Рассказы, т. 2. — «Весы», 1906, № 5, стр. 65.
- ⁷⁷ Аврелий <В. Я. Брюсов>. «Жизнь человека» в Художественном театре. — «Весы», 1908, № 1, стр. 143.
- ⁷⁸ «Весы», 1907, № 7, стр. 58.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ «Русская мысль», 1907, № 12, стр. 105—112.
- ⁸¹ Д. Мережковский. В тихом омуте. СПб., 1908, стр. 4.
- ⁸² Н. Минский. На общественные темы. СПб., 1909, стр. 62.
- ⁸³ «История русской литературы», т. X. Л., 1954, стр. 507.
- ⁸⁴ ЛА, вып. 5, стр. 109.
- ⁸⁵ В. Иванов. Андрей Белый. Пепел. — «Критическое обозрение», 1909, № 2, стр. 45.
- ⁸⁶ Д. Филосов. Мертвецы и звери. — «Русская мысль», 1909, № 4, стр. 197.
- ⁸⁷ Эллис. Наши эпигоны. (О стиле, Л. Андреева, Б. Зайцева и многом другом). — «Весы», 1908, № 2, стр. 63.
- ⁸⁸ А. Белый. Анаэма. — «Весы», 1909, № 9, стр. 105.
- ⁸⁹ Д. Филосов. Вокруг и около Андреева. — «Речь», 1908, № 79, 2 апреля.
- ⁹⁰ З. Гиппиус. Что пишут. — «Русская мысль», 1912, № 1, стр. 29.
- ⁹¹ «Весы», 1904, № 9, стр. 49.
- ⁹² «Весы», 1908, № 1, стр. 144.
- ⁹³ Письмо от 4 апреля 1906 г. — «Учен. зап. Тартуского ун-та», вып. 119, 1962, стр. 385.
- ⁹⁴ См. также: «Письма Леонида Андреева», стр. 20.
- ⁹⁵ «Реквием», стр. 166.
- ⁹⁶ «Комсомольская правда», 1926, № 246, 24 октября.
- ⁹⁷ «Свобода и жизнь», 1906, № 14, 27 ноября.
- ⁹⁸ Письмо к Пятницкому от 11 сентября 1908 г. — АГ.
- ⁹⁹ «Кризис», созданный в связи с уходом крупных писателей из «Знания», скоро был преодолен. «Сборники товарищества „Знание“» не отказались от ранее занятых позиций, по-прежнему оставаясь на переднем крае демократической литературы. Однако привлечение в сборники менее талантливых писателей не могло не отразиться на качестве публикуемого материала. Популярность сборников стала падать, «погоду» в них теперь делает только Горький. Вскоре сборники перестают его удовлетворять, он поднимает вопрос о реорганизации, а затем отказывается от редактирования их.
- ¹⁰⁰ В письме к Пятницкому осенью 1906 г. Андреев сообщал: «„К звездам“ в Вене имела огромный успех — даже удивительно. И приятно то, что ставилась она в социал-демократическом театре, и публика — рабочие — лезли на сцену и вообще впади в раж. И все газеты очень похвалили, даже буржуазные, и даже говорили так: „впервые искусство встретилось с народом“». — АГ (см. также письмо № 144). Об успехе пьесы в Вене сообщала и русская печать.
- ¹⁰¹ АГ.
- ¹⁰² Письмо от 10 февраля 1906 г. — Там же.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ «Учен. зап. Тартуского ун-та», вып. 119, 1962, стр. 389.
- ¹⁰⁵ «Реквием», стр. 166.
- ¹⁰⁶ К. И. Чуковский. Из воспоминаний. М., 1958, стр. 258.
- ¹⁰⁷ На эту черту андреевского творчества особое внимание обратил С. М. Киров. — «Неделя», 1961, № 46, стр. 7.
- ¹⁰⁸ «Учен. зап. Тартуского ун-та», вып. 119, 1962, стр. 386.
- ¹⁰⁹ «Русское богатство», 1907, № 12, стр. 172.
- ¹¹⁰ Об этом убедительно свидетельствуют письма Андреева, в искренности которых нет сомнений. Горькому Андреев сообщал в феврале 1908 г., что, «живя в лесу виселиц», чувствует «непоколебимую уверенность в победе жизни» (№ 155), а Сологубу писал 11 октября того же года: «Стремительно, спиной, точно на задней площадке последнего вагона, несемся мы к смерти — и нелепо спорим из-за мест и багажа, когда через минуту вся эта история кувырнется к черту» (ИРЛИ).

- ¹¹¹ О веяниях времени. СПб., «Творчество», 1908, стр. 7 (также: В. В о р о в с к и й. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 249).
- ¹¹² «Литературный распад. Критический сборник». СПб., «Зерно», 1908, стр. 174 (также: А. В. Л у н а ч а р с к и й. Критические этюды. Л., 1925, стр. 229).
- ¹¹³ Там же, стр. 177—178.
- ¹¹⁴ Письмо к Горькому, конец августа 1902 г.— Речь идет о рассказе «Тенор».
- ¹¹⁵ Письмо к Бересаеву.— «Реквием», стр. 158.
- ¹¹⁶ Позднее, в 1912 г., Андреев скажет то же о горьковской статье «О современности», в которой увидит выпад против себя.
- ¹¹⁷ «Письма Леонида Андреева», стр. 17.
- ¹¹⁸ «Реквием», стр. 231.
- ¹¹⁹ М. Г. «Сашка Жегулев». (Из беседы с Л. Андреевым).— «Солнце России», 1911. № 50, стр. 11.
- ¹²⁰ «Искусство», 1925, № 2, стр. 266.
- ¹²¹ ПССА, т. V, стр. 50.
- ¹²² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 5.
- ¹²³ Там же, стр. 6.
- ¹²⁴ Там же, стр. 4—5.
- ¹²⁵ Действие романа приурочено к 1909 г. В январе 1904 г. (гл. IV) герою было 14 лет, к «взлестным братьям» он уходит 19-летним (гл. VII—VIII).
- ¹²⁶ ПССА, т. V, стр. 152.
- ¹²⁷ Мотивы жертвенности ранее прозвучали в пьесе «К звездам» и в «Рассказе о семи повешенных».
- ¹²⁸ Из истории новейшей русской литературы. М., «Звено», 1910, стр. 34 (также: В. В о р о в с к и й. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 289—290).
- ¹²⁹ Некоторые литературоведы, к сожалению, совершенно пренебрегают реальными фактами, нашедшими отражение в романе «Сашка Жегулев», рассматривая его вне русской действительности 1906—1909 гг. Так, например, Г. Пелисов пишет о романе: «Л. Андреев возвращается к теме революции, но опять-таки дает грубое искажение образов революционеров и характера народного движения» (Н. Б у р л а к о в, Г. П е л и с о в, И. У х а н о в. Русская литература XX в. Дооктябрьский период. М., Учпедгиз, 1957, стр. 174). Между тем Андреев не ставил перед собой задачу изобразить настоящих революционеров и революционное движение. Л. Н. Афонин, всецело опираясь на отзыв Горького, в свою очередь пишет: «Бессмысленная гибель Жегулева понадобилась Л. Андрееву, чтобы опять доказывать бесплодность усилий изменить жизнь, внести в нее творческое, разумное начало. В угоду своим ложным построениям писатель снова попытался произвольно истолковать жизненный материал, насильно втиснуть его в придуманную схему» (Л. А ф о н и н. Леонид Андреев. Орел, 1959, стр. 202). Однако в конечном истолковании жизненного материала — бесплодности анархического протеста, Андреев был прав. Оба исследователя не раскрыли сущность спора Горького с Андреевым.
- ¹³⁰ См., например, отзывы: А. Р е д ь к о — «Русское богатство», 1912, № 1, стр. 139—147; Н. К а д м и н — «Новая жизнь», 1912, № 1, стр. 181—203; Ю. С о б о л е в — «Путь», 1912, № 3, стр. 69—77 и др. Газета «Новое время» напечатала злобный фельетон В. П. Буренина «„Стенька Кистень, или Гимназист-разбойник“. Лубочнокрасный роман в 2 ч.» (1912, № 12887, 12894, 12907, 27 января, 3 и 17 февраля).
- ¹³¹ Д. Бедный опубликовал в «Звезде» (1912, № 26, 5 апреля) басню «Диво», отражающую впечатление демократического читателя от нового произведения Андреева. Басня имела следующую концовку:
- Писатель так иной — шумит, гремит, грозит:
Твореньем новым он полсвета поразит!
Ан смотришь, кончилась нахвалка делом плевым:
Примерно — «Сашко Жегулев».
- ¹³² О том, что «Красный смех» и «Рассказ о семи повешенных» достаточно «точно отражали волнения эпохи», Горький скажет позднее, в письме к И. Жиге от 15 августа 1929 г.
- ¹³³ М. Г о р ь к и й. Статьи 1905—1916. Изд. 2-е. Пг., «Парус», 1918, стр. 133.
- ¹³⁴ «Реквием», стр. 169.— О том же писал он и Чирикову.
- ¹³⁵ М. Г о р ь к и й. Статьи 1905—1916, стр. 145.
- ¹³⁶ Письмо Горького к В. Г. Короленко от 4 сентября 1912 г.— ИРЛИ.
- ¹³⁷ «Русский современник», 1924, № 4, стр. 132.
- ¹³⁸ М. Г о р ь к и й. Статьи 1905—1916, стр. 94.
- ¹³⁹ «Летопись», II, стр. 447.
- ¹⁴⁰ А. В. А м ф и т е а т р о в. Разговоры по душе. М., 1910, стр. 74—85.
- ¹⁴¹ «Реквием», стр. 261.
- ¹⁴² Там же, стр. 262.
- ¹⁴³ Письмо от 28 июля 1915 г.— ИРЛИ.
- ¹⁴⁴ Там же.

- ¹⁴⁵ См. статью А. И. О в ч а р е н к о. Публицистика М. Горького периода первой мировой войны. — «Вопросы литературы», 1959, № 3, стр. 28—54.
- ¹⁴⁶ Письмо к И. С. Шмелеву от сентября 1914 г. — АГ.
- ¹⁴⁷ Письмо к В. С. Войтинскому от ноября 1914 г. — АГ.
- ¹⁴⁸ Письмо от 16 октября 1914 г. — ИРЛИ.
- ¹⁴⁹ Письмо от 28 июля 1915 г. — ИРЛИ.
- ¹⁵⁰ «Биржевые ведомости», 1915, № 15155, 18 октября.
- ¹⁵¹ Статья была запрещена цензурой, но содержание ее было известно в литературных кругах.
- ¹⁵² «Летопись» преследовалась суровой военной цензурой, неустанно следил за ней и Департамент полиции («Летопись», 1917, № 2-4, стр. 425—427; «Революционный путь Горького». М. — Л., 1933, стр. 119—126).
- ¹⁵³ Так, например, сотрудник итальянской газеты «Avanti» сообщал: «Крупнейшую роль играет журнал „Летопись“, основанный М. Горьким. Журнал этот пользуется громадным успехом среди рабочих и социалистической интеллигенции, являясь одним из самых распространенных русских журналов» (К. Д. Муратова. М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. Л., 1958, стр. 94).
- ¹⁵⁴ С. Шаумян. Литературно-критические статьи. М., 1955, стр. 81—82.
- ¹⁵⁵ М. Горький. Статьи 1905—1916, стр. 187.
- ¹⁵⁶ Письмо к Миролубову от 28 февраля 1916 г. — ЛА, вып. 5, стр. 248.
- ¹⁵⁷ «Современный мир», 1916, № 1, стр. 108—112.
- ¹⁵⁸ М. Горький. Статьи 1905—1916, стр. 191.
- ¹⁵⁹ Там же, стр. 192.
- ¹⁶⁰ См. письмо к Е. П. Пешковой от марта 1916 г. — «Летопись», II, стр. 550.
- ¹⁶¹ М. Горький. Статьи 1905—1916, стр. 195.
- ¹⁶² Письмо от 1 июля 1915 г. — Архив Музея МХАТ.
- ¹⁶³ Ю. Г. Оксман. «Русская воля», банки и буржуазная литература. — «Лит. наследство», т. 2, 1932, стр. 165—186.
- ¹⁶⁴ Письмо от 8 октября 1916 г. — ИРЛИ.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ «Лит. наследство», т. 2, стр. 181.
- ¹⁶⁷ В этих сборниках в основном сотрудничали участники кружка «Среда».
- ¹⁶⁸ Письмо к Короленко от 21—22 октября 1916 г.
- ¹⁶⁹ Письмо к Л. А. Алексеевскому от марта 1918 г. (В. Десницкий. А. М. Горький. М., Гослитиздат, 1959, стр. 239). Тогда же Андреев писал А. А. Измайлову о приближающемся новом периоде, который «будет временем собирания и стройки, работы положительной и созидательной» (ИРЛИ).
- ¹⁷⁰ «Лит. наследство», т. 2, стр. 101.
- ¹⁷¹ «Ленинский сборник», т. 26. М., 1934, стр. 153.
- ¹⁷² В. А. Десницкий. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. М., 1959, стр. 218.
- ¹⁷³ В. Воровский. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 273.
- ¹⁷⁴ См. отзыв в газете «Терек», 1910, № 3703, 16 апреля, и письма к жене. — «Неделя», 1961, № 46, стр. 6—7.
- ¹⁷⁵ «Известия АН Латвийской ССР», 1956, № 1.
- ¹⁷⁶ В одной из своих статей Луначарский в пылу полемики с З. Н. Гиппиус называл Андреева «великаном» современной русской литературы. — «Заграничная газета», 1908, № 3, 30 марта.
- ¹⁷⁷ Из истории новейшей русской литературы. М., «Звено», 1910, стр. 44 (также: В. Воровский. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 230—231).
- ¹⁷⁸ См., например, статью Н. Н. Жегалова «Горький в борьбе с философскими и эстетическими идеями декаданса. (Роман „Жизнь Клима Самгина“)». — «Горьковские чтения. 1958—1959», стр. 288—323, и статью Л. П. Жак «Портрет-полемика» в ее книге «От замысла к воплощению». М., 1963, стр. 161.
- ¹⁷⁹ См. указ. статью Н. Н. Жегалова.
- ¹⁸⁰ См. специальную работу на эту тему: К. В. Дрягин. Экспрессионизм в России. (Драматургия Леонида Андреева). Вятка, 1928 (Труды Вятского пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. III, вып. 4).
- ¹⁸¹ «Курьер», 1901, № 96, 8 апреля.